

The illustration depicts a night market scene. On the left, a young man with brown, wavy hair and a red cape looks towards the center. In the middle, a character with dark skin, pointed ears, and intricate white facial markings holds a glowing golden pendant. On the right, a woman with dark hair in a braid and a blue cape looks at the pendant. The background shows a night sky with stars, a red tent, and a building with a large moon in the sky.

МИРА АРИМ

КомпасГид
издательский дом

Ночной Базар

ПУТЬ ДОМОЙ

Мира Арим
Ночной Базар. Путь домой
Серия «KompasFantasy»
Серия «Ночной базар», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68693592
Ночной Базар. Путь домой: KompasГид; М; 2022
ISBN 978-5-00083-838-9

Аннотация

«Ночной Базар. Путь домой» – завершающая часть дилогии Мира Арим. Автор создала удивительную вселенную, полную тайн и магии, в которую вы вновь вернетесь вместе с любимыми героями – загадочным демоном Холдом, серьезным, но смелым Казом и отважной Али.

Ночной Базар в опасности: из подлунного мира вырвались давно забытые темные древние существа, яркие огоньки у шатров и прилавков постепенно исчезают, а свет луны тускнеет с каждым днем. Лесная королева умирает – а вместе с ней весь магический мир, и только Холд с помощью лекаря Хозила могут ему помочь. Он успел получить от Каза медальон, в котором заключены все его силы, но спасти Ночной Базар только волшебством не получится. В этом трудном путешествии Холду и Хозилу

предстоит вспомнить прошлое, раскрыться и довериться друг другу, чтобы победить тьму.

Тем временем Каз и Али застряли в мире людей. Парень хочет вернуться в Ночной Базар, но бесконечные препятствия – погони, предательства, тюрьма и ярость короля – не дают ему найти открытый проход в волшебный мир. Али всеми силами помогает другу вернуться домой, но где ее собственный дом – во дворце у брата или с Казом в мире, куда ее пустили лишь однажды?

Али, Казу, Холду и Хозилу только предстоит понять, что их миры, цели, да и они сами – не такие разные, как может показаться на первый взгляд. А любовь, доверие и честность могут стать той силой, которая поможет им выбраться из любой передряги, сколько бы лжи и зла в ней ни было.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	70
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мира Арим

Ночной Базар. Путь домой

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения ООО «ИД «КомпасГид».

© Мира Арим, текст, 2022

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2022

Автор обложки Полина (Dr. Graf) Носкова

* * *

Глава 1

– Эй ты, парень! – недовольно крикнул мужчина, размахивая руками.

Наполненная до краев кружка пива, что стояла практически у самого края стола, пошатнулась, и содержимое выплеснулось на деревянный стол, покрыв его липкой лужей. Это разозлило посетителя еще больше.

– Парень! – повторил он громче. – Подойди, кому говорят!

Али нервно посмотрела на Каза. Девушка привыкла к поведению постояльцев таверны: похабные разговоры, неуважение, порой даже домогательство со стороны мужчин – изо дня в день. Али провела в подобном окружении практически всю жизнь и перестала удивляться, реагировать и всерьез воспринимать пьяные рассказы. А вот спина Каза выглядела напряженной. Он протирал соседний столик и упорно делал вид, что не слышит хамоватого посетителя. Однако Али почти физически ощущала, как способность Каза сохранять спокойствие покидает его с каждой секундой. Девушка достала из фартука кусок сухой ветоши, аккуратно ее сложила и направилась к шумному клиенту, пока Каз не растерял остатки терпения.

– Господин, позвольте вытереть ваш столик, – мягко начала Али, поднося тряпку к столешнице. Но мужчина не ожи-

данно крепко схватил девушку за запястье, останавливая.

– Я, кажется, звал *того*, – кивнул он на Каза.

Тот отвлекся от своего занятия и повернулся в их сторону. Али тяжело вздохнула.

Казу работать и жить в таверне Илисса не нравилось, но она была единственным местом, где они могли задержаться в шаге от пропасти, а не падать напрямик в темную бездну. С тех пор как король объявил их изменниками, за поимку которых полагалась куча золота, жизнь превратилась в бесконечные бега. Чудо, что им удалось добраться до дома Илисса. Они долго прятались в лесу или в пустых, давно брошенных домах, чтобы королевская стража, рыскавшая повсюду, не нашла их.

Каз и до этого недолюбливал мир людей, но теперь, когда вынужден был стать его частью, все усугубилось. Посетители таверны, где Каз и Али временно жили и работали, были чаще всего падшими и бедными, почти нищими. В их карманах обычно оставалась только пара медяков, которые ближайшим же вечером спускались на выпивку – самую крепкую из дешевых. Кое-кто из них оказывался хранителем интересных историй, и тогда Каз был благосклонен, мог найти общий язык и даже изредка позволял себе беседу. Но эти моменты были редкими, и Али видела, как жизнь здесь, среди людей, особенно таких, угнетает парня.

Он тосковал по родным местам, куда не смог вернуться, а девушка ощущала вину из-за этого. Хоть Каз и был челове-

ком, но не мог приспособиться и не хотел привыкать к этому миру – чужому для него. Домом он признавал только Ночной Базар.

Али понимала, что скрываться в таверне Илисса – значит подвергать Каза опасности и что надолго задерживаться нельзя. Такая жизнь была сложной и тягостной, но только она гарантировала хотя бы условную безопасность. Завсегда и, хоть и были людьми самого отвратительного пошиба, разбойниками, пропойцами и просто негодяями, строго придерживались негласного правила: то, что происходит в таверне, остается в ней навсегда. Здесь привыкли не запоминать ни лиц собутыльников, ни их рассказов. Круговая порука отверженных. Последний островок, где примут как своего и не зададут лишних вопросов. Поэтому-то у Илисса всегда таклюдно: лучшего места, чтобы укрыться от преследования и передохнуть, во всем королевстве не сыскать. Здесь были рады всем, даже самым отъявленным и отчаянным, – кроме тех, кто носил форму. С королевской стражей якшаться – хуже смерти.

Али, впрочем, понимала, что и у этой безопасности есть свой срок. Наверняка кто-то однажды предпочтет обменять свой гарантированный стакан у Илисса на золото из рук гвардейца, узнав в мальчишке и девчонке, что протирают столы, тех преступников с портретов, развешанных по всему городу. Такой предатель обречет себя стать изгоем в последнем обществе, где его принимали, но кто-то – Али была

уверена – решится заплатить и такую цену. Вопрос времени. И тогда им несдобровать. А она меньше всего хотела, чтобы пострадал единственный важный для нее человек.

Хотя, пожалуй, уже не единственный.

Теперь в жизни Али появился Мерти – дорогой брат, который долгие годы считался мертвым. Али никогда не верила в его гибель, но вот он жив и найден, а у девушки до сих пор это не укладывается в голове. Тем более что он оказался тем самым таинственным Графом, а вдобавок – приемным сыном и наследником герцога. Наверное, она могла предположить многое, но не это.

Теперь, скрываясь у Илисса, Али не могла нормально общаться с братом. Это было рискованно – письмо могли перехватить, отследить, посчитать и Мерти замешанным в измене... Несколькими неделями ранее она все же черкнула пару строк и передала их со странником, в обход почтовых маршрутов и безо всяких гарантий. Теперь все, что оставалось, – надеяться, что брат в безопасности и хранит их общий секрет, а не бросился искать объявленную в розыск преступницу, пришедшуюся ему сестрой.

Али не знала, что происходит во внешнем мире. Они с Казом старались особо не высовываться и даже нос не показывали за порог старой таверны. Лишь иногда по ночам парень выбирался на разведку, а девушка вслушивалась в сплетни и новости, что приносили посетители. Ночью она боялась закрыть глаза, потому что не знала, каким будет завтрашнее

утро. Быть может, она проснется от скрипа открывающейся двери, топота солдатских сапог и металлического бряцанья оружия, которым будет казнен каждый, кто предал короля.

Запертая в мирке таверны, Али иногда ловила себя на мысли, что все случившееся могло быть сном или выдумкой. Вот только присутствие Каза напоминало о действительности.

Парень подошел близко к столику, за которым сидел мужчина, разливший пиво, и наклонился.

– Что именно не устраивает? – поинтересовался Каз.

– Как ты смеешь так ко мне обращаться, наглый мальчишка? – надменно отозвался посетитель, пытаясь указать парню на его место. – Называй меня господином!

Мужчина самодовольно ухмыльнулся.

Губы Каза презрительно искривились.

За время, проведенное вместе, Али успела выучить, что последует за этой гримасой. Девушка сделала шаг вперед и загородила Каза.

– Господин, – послушно, но ядовито произнесла она, – я бы попросила вас покинуть таверну.

– Да как у тебя смелости только хватает, девка!

Разъяренный мужчина резко поднялся, оттолкнув стул назад и расцарапав его ножками свежий лак на полу. Увидев мужчину в полный рост, Али поняла, насколько тот высок и крепок. Он был ей определенно не по силам. Зато Каза такой расклад вовсе не пугал. Парень двинулся вперед, отодвигая

Али в сторону.

* * *

– Поверить не могу! – в третий раз повторил Илисс.

Каз стоял перед ним, опустив голову, но совершенно не ощущая себя виноватым и не испытывая мук совести. Его белая рубашка лишилась пары пуговиц, воротник был измят, а черный фартук забрызган спиртным. Разбитая губа болела, но вкус победы ощущался ярче.

В угоду Али и из уважения к хозяину таверны Каз старался подчиняться Илиссу и жить по его правилам, но все же иногда ими пренебрегал.

Девушка стояла рядом с Казом и тоже выслушивала нотации, кивая, хотя и пропускала большинство слов мимо ушей, погружившись в свои мысли. Она понимала, почему Илисс был зол. Хотя нет, зол он не был – он пребывал в настоящей ярости.

– Поверить не могу! – повторил он.

Али мысленно считала, сколько раз он скажет эту фразу. Четыре. Если будет пятый, значит, дела их совсем плохи – прямо хуже некуда.

– Шестой раз за месяц!

Илисс мерил шагами комнату и размахивал руками в такт словам. Али видела, как он мысленно одергивал себя, как только начинал повышать голос, чтобы не срываться на крик.

Илисс был миролюбивым, но даже его можно было вывести из себя, если очень постараться. А постарались они знатно.

Впрочем, сегодня им с Казом еще повезло.

Стоило Илиссу переступить порог собственного заведения, как в его голову полетел стакан. Хозяин таверны успел уклониться, но стена была безнадежно испорчена, а пол усеяли осколки.

Илисс прервал драку и отвел «никчемных работников» – так он выразился – в подсобку, где хранился картофель и специи.

– Я еще не расплатился за новый лак, а пол уже в царапинах и сколах, – причитал Илисс. – Неужели так сложно угождать посетителям?

Илисс многозначительно посмотрел на Каза, требуя немедленного ответа.

– Он нахамил мне, грязно выругался и был изрядно пьян.
– Это таверна, мальчик мой. Тут все пьяны.

Али пыталась сделать все, чтобы уголки ее губ не тронула улыбка, которая разозлила бы Каза еще больше. С миром таверны – родным для девушки – он столкнулся впервые и еще не понял, что проще принять все как есть, а не вспышивать от каждой грубости или несправедливости. На самом деле Али даже немного нравилось, что Каз не может свыкнуться с местными нравами. Это напоминало ей, откуда он родом. Но желание улыбаться пропало само собой, когда она поймала взгляд Илисса, наполненный печалью. Девушке ста-

ло не по себе. Она не любила расстраивать своего опекуна, особенно так сильно. Хотя бывало и похуже. Например, когда Али пропадала на несколько недель, а потом возвращалась, Илисс порой не мог узнать ее за слоем грязи и пыли. Он читал ей нотации по поводу внешнего вида, но от нее не ускользало, что Илисс облегченно вздыхал, не обнаружив на одежде Али пятен крови.

– Зачем ты вмешалась? – разочарованно спросил он.

Девушка и вправду не остановила Каза, когда тот полез в драку. И не только не остановила, но и встряла сама, чтобы помочь раскрасить лицо хама, каких терпеть не могла. Дождавшись первого удара мужчины, Каз уклонился и ответил сполна, разбив о его лицо тарелку. Услышав хруст носовой перегородки, Али подумала, что, наверное, не стоило помогать Казу и потакать его пламенному порыву. Он часто действовал резко, не задумываясь о последствиях, просто потому что считал, что так правильно. Впрочем, сложно было не согласиться, что гость сам напросился. И сложно было не помочь Казу В таких ситуациях Али никогда не знала, что выбрать: защищать себя или другого? Первое было привычнее. Но теперь дело касалось ее близкого, и помочь ему призвать хама к ответу за свои слова казалось верным решением.

Не успела она дать ответ Илиссу как дверь подсобки резко открылась. На пороге возникла обеспокоенная Татия. Она тяжело дышала, упираясь руками в дверной проем.

– Там... – Татия попыталась кивнуть в сторону прохода

за своей спиной, – там...

Договаривать ей не пришлось. Каз оказался первым, кто услышал крики посетителей и выбежал из подсобки, даже не задумавшись, что может его там ждать. Али рванулась за ним, но осеклась и сказала Татии:

– Запрись и оставайся здесь вместе с Илиссом.

Опекун хотел возразить, но Татия опередила с ответом, уловив в словах девушки невысказанную просьбу.

– Конечно, – сказала она решительно, – я присмотрю за ним.

Али выбежала вслед за Казом. Подсобка располагалась в подвале, и от зала ее отделяла небольшая черная лестница, спрятанная за дверь. Ребята поднялись по ней и осторожно выглянули в щелку. В таверне творилась неразбериха: крики, шум, суета, треск, скрежет, грохот. Этого дня Али боялась и старалась избежать всеми способами, но знала, что это непременно должно было случиться.

Рано или поздно их должны были найти.

Она не могла поверить в то, что король обвинил их с Казом в преступлении против короны сразу после того, как они спасли его жизнь. И где здесь, спрашивается, справедливость? Тем более Каз спас шкуру его величества дважды. О первом разе Али узнала недавно: парень не считал нужным делиться информацией, которая была, по его словам, абсолютно бесполезной.

– Познакомились и познакомились, – только и пожал пле-

чами Каз.

– Ты спас его жизнь! От наемников! – не согласилась Али.

На это Каз ничего не ответил, а просто ушел от разговора. Мысленно девушка назвала его самодовольным ослом, но больше расспрашивать не стала.

Али помнила все: на королевский дворец напали во время приема, а ее взяли в заложники и убили бы, если бы Каз не спас... Темный взгляд командира, окруженного солдатами в белом. Все почти так же, как в день смерти ее родителей. Только теперь обошлось без потерь. Али смогла выбраться вместе с Казом, не потеряв его.

Но король направил на их поиски стражу, чтобы арестовать за организацию побега своей невесты. Возможно, перед смертью их будут пытаться, чтобы выяснить, где Никола. Но правда в том, что Али не имела представления, где сейчас бывшая невеста Даркалиона, в порядке ли она, добралась ли живой, а если добралась, то куда. От саламандра тоже не было вестей.

Али предположила, что Лирин забрал Николу с собой в Ночной Базар, но Каз быстро опроверг теорию, напомнив, что это невозможно, поскольку Никола человек, а людям вход туда запрещен. Поэтому девушка терялась в догадках: то ли верить в Николу и надеяться, что ей удалось найти достаточно безопасное место, укрыться там и она тоже просто ждет, пока все немного уляжется, и потому не объявляется, то ли считать невесту короля предательницей, которая про-

сто использовала их с Казом и подвергла такой чудовищной опасности. Как же нужны были ответы!

Каз оглянулся на Али, убеждаясь, что она видит то же, что и он. Это была не стража короля. В таверне бушевали наемники в белой форме. «Опять!» – в ужасе подумала девушка. Люди, которых она впервые увидела в день гибели Заула и которые потом хотели убить ее и всех гостей короля, вновь появились в ее жизни. И теперь они вторглись в *ее* дом. Али почувствовала, как перехватывает дыхание. Звуки бьющейся посуды и крики посетителей будто перестали существовать, словно суматоха вокруг остановилась, а время замерло, когда девушка посмотрела на форму белого цвета.

– Этого не может быть, – тихо, практически про себя, произнесла Али. – *Как* такое может быть?

Каз ее услышал.

– Они пришли за нами? – спросил он в воздух.

Неужели все-таки кто-то из посетителей-проходимцев выдал их? Или это просто плановый налет на одно из череды подобных заведений, где, как водится, часто оседают преступники и отщепенцы разных мастей? Али сжала челюсти до боли в зубах. Она обязательно поквитается, но сейчас ее волновало другое. Белый цвет формы ворошил воспоминания, от которых было больно. С момента побега из дворца прошло около месяца – совсем мало, чтобы раны в душе затянулись. А Заула и вовсе забыть невозможно. Она знала его совсем недолго, он был для нее чужим человеком, точнее, он

даже человеком не был, но Али успела привязаться к этому жителю Ночного Базара.

Девушка посмотрела на Каза. Она видела, что ему тоже непросто. Он прекрасно помнил закрывшиеся глаза аями, тепло его крови, слезы Тайги при известии о смерти Заула... Белые мундиры сделали память о том дне отчетливее.

– Мы должны бежать, – твердо сказала Али, взяв Каза за рукав.

– Нет.

«Великий и ужасный Каз Односложный», – подумала Али. Она сосредоточенно оценивала обстановку, пытаюсь понять, что происходит на самом деле. Кажется, наемники в белой форме наводят шорох бесцельно. Они никого не допрашивают, просто пугают и крушат. Но вдруг кто-то не выдержит напряжения и, страшась за свою жизнь, выдаст их – просто как разменную монету? Девушка решила, что пора действовать – и как можно быстрее, пока их не разоблачили.

– А как же Илисс и Татия? – Каз осуждающе посмотрел на Али. – Оставишь их здесь?

– Да.

Парень удивился такому ответу.

– Их не тронут, – пояснила Али. – Приглядишься: это просто налет наудачу. Их всего трое. Пришли бы брать, было бы побольше – мы же убили их командира, так что наверняка считаемся особо опасными. Они не найдут среди посетителей никого подходящего и уйдут.

«Интересно, кто занял место убитого Казом командира наемников? – подумала вдруг Али. – Кто-то еще более жестокий? Судя по тому, как беснуются в таверне, – так и есть. Другого, наверное, и быть не может. Проклятая должность. И бедный Илисс...»

– Почему мы всегда убегаем? – задал резонный вопрос Каз, и Али поняла, что это и есть согласие.

– Не всегда, – ответила она.

Каз осуждающе посмотрел на нее: ложь. Али закатила глаза, признав его правоту, но не захотела озвучивать, что согласна с ним.

– Это называется тактикой, – нашлась девушка с ответом.

Она ждала от парня дальнейших комментариев по поводу того, что они вновь вынуждены бежать, но Каз тяжело молчал, и этому Али оказалась рада больше, чем могла признать. Осуждения ей сейчас хотелось меньше всего. Она и так начинала ненавидеть себя за то, что вновь оставила Илисса и вновь так или иначе подвергла его опасности и хлопотам – просто одним фактом своего существования.

Воспользовавшись секундой неразберихи, когда все наемники стояли спиной к ним, Каз и Али юркнули за барную стойку, оттуда – на кухню, потом на задний двор – и, пригнувшись, вдоль каменной ограды – в рощу. Оттуда они вышли на пригородную до рогу, с одной стороны хорошо просматриваемую, а с другой – укрытую полосой густого леса, куда, появившись кто на горизонте, можно быстро нырнуть.

– И куда мы теперь? – спросил парень.

Али задумалась. Она все обещала себе на досуге поразмыслить, куда они двинутся дальше после остановки у Илисса, но в старой таверне, пропитанной запахом пива и жареной свинины, она все-таки ощущала себя хоть и не до конца в безопасности, но дома. Поэтому неосознанно Али оттягивала этот момент – момент побега – изо всех сил, обманываясь тем, что он может и не наступить. Надежда и сладкая ложь, которые так легко внушаются самому себе.

Но действительность внесла коррективы.

– Для начала найдем ночлег, – ответила девушка.

Каз мысленно согласился. В людные места сейчас лучше не соваться, но можно попробовать снять пару коек на три-четыре дня в самой дешевой забегаловке у дороги, сдающей путникам сырой и холодный второй этаж. В любом случае это куда заманчивее, нежели спать на холодной земле.

Али позволила себе задержать взгляд на Казе и поняла, что необходимость вновь бежать и прятаться унесла его мысли к дому. Она знала, что парень страшно скучает по Ночному Базару – родному для себя месту. И по Холду, конечно, тоже.

Али попыталась однажды заговорить о демоне. Она надеялась, что Холду удалось вовремя поймать кулон, но ей было интересно, что думает по этому поводу Каз. Однако тот и слушать не стал. Единственное, что сказал – не столько отвечая на вопрос подруги, сколько успокаивая сам себя:

– Он жив. Знаю: жив.

Али ничего не ответила. Она ясно понимала: не стóбит, лучше промолчать. Все-таки есть моменты, когда слова излишни. Холд *должен* быть жив. Иначе во всех их злоключениях нет совсем никакого смысла. Но так же не бывает?

Место для ночлега они нашли нескоро. Когда хозяин начинал всматриваться в лица Али и Каза, беглецам приходилось спешно исчезать – прежде, чем кто-то обратит внимание на их схожесть с портретами на расклеенных объявлениях о поиске изменников.

Али начинала злиться.

Чертов Даркалион! И кто вообще сделал его королем? Девушка считала его неблагодарным подлецом и не понимала, почему они вынуждены скрываться от стражи вместо того, чтобы получить награду. Да, Али при помощи магии выдала себя за невесту короля. Да, они помогли Николе сбежать с возлюбленным... Но неужели спасение королевской жизни в итоге не окупает эти проделки?

– Почему за нами все гонятся? – причитала Али, когда они с Казом выходили уже из седьмого кабака, оставив его владельца в сомнениях и с внимательным прищуром. – Зря ты вообще спас этому идиоту жизнь! Проблем бы не было.

– Проблем было бы больше, – ответил парень.

– С чего бы? – озадаченно посмотрела на него Али. – Не из-за Дарка ли мы вынуждены испытывать теперь сложности с ночлегом, несмотря на то, что кругом куча свободных

мест?

Каз не стал отвечать. Да, он считал виноватым Дарка... Но вообще-то считал виноватыми всех. Он знал, что помогать кому-то вне четкой сделки себе дороже – это никогда не сыграет на руку. У Али же имелась гнусная привычка лезть к другим со своей помощью.

– Мы оказались в таком положении по многим причинам, – наконец сказал он сухо. – Есть кого обвинить. Но и наших ошибок было достаточно.

– Саламандр нарушил сделку, – напомнила ему Али. – Разве тебя это не бесит?

– Сейчас мой гнев направлен только на наемников, – и Каз, не удержавшись, добавил: – А тебе свойственно вмешиваться куда не просят.

Али вспыхнула.

– Никола и Лирин нуждались в нас.

– Так ли нуждались? Да и какая разница? Мне до них дела не было.

– Мы это уже обсуждали. Ты мог уйти – но не ушел. Остался, чтобы помочь. Сам.

Каз не стал отвечать или оправдываться. Он не готов был признать, что не смог бы бросить Али – даже в самой глупой ее затее.

– Ты злишься? – спросила Али через несколько минут тишины.

– Нет.

– Почему? – искренне удивилась Али.

– Я не могу осуждать их.

– Условия сделки были нарушены, – поспорила девушка. – Нас обманули.

– Кто знает, – пожал плечами Каз.

– Но ты ведь собираешься их искать?

Али увидела, как глаза Каза опасно блеснули.

– Пусть только кто-то из них попадется мне – и я тут же лично доставлю их королю. Это непременно произойдет. Вопрос времени.

Али определенно понравился этот план.

* * *

– Пошли вон! – рявкнул владелец небольшой и практически заброшенной таверны. – Чужакам здесь не рады.

– Мы хорошо заплатим, – Каз достал из кармана золотой и повертел перед хозяином.

Но тот был непреклонен. Его руки крепче сжали метлу которой он подметал до прихода гостей. Каз посмотрел на Али. Девушка поняла его просьбу достала три своих серебряных монеты, добавила к деньгам Каза и протянула.

– У вас все равно, кроме нас, посетителей нет, – сказала она, изогнув бровь и кивнув в сторону пустых столов.

– Ладно, – скупой ответил владелец после затянувшегося молчания. – Но только на одну ночь.

Али не подала виду, как была рада этим словам. Она еле стояла, держась из последних сил, чтобы не упасть прямо на пороге заведения, вытянув наконец уставшие ноги и заснув крепким сном на голом полу. Она уже потеряла всякую надежду снять комнату и готовилась ночевать под темным небом, окутанная беспощадным холодным воздухом.

Но Каз был упрям. Он заявил, что хоть одна таверна обязательно впустит их, ведь они готовы платить – а люди всегда хотят денег. Поэтому он выбрал самый дальний кабаk, и вовсе казавшийся полуразрушенной лачугой. Чем меньше посетителей, тем меньше вероятность быть узnanными. И он оказался прав.

– Койки наверху, – услышала она голос владельца.

– Как ваше имя? – окликнул его Каз.

– Нираф.

– Каз, – представился парень, а затем показал на девушку возле себя: – Али. Моя спутница. Мы вместе путешествуем.

– Да ну? – владелец усмехнулся их лжи и указал на стену, где были без особого порядка развешаны объявления.

На одной из таких мятых бумажек, приклеенных на скорую руку, было изображено два портрета. В последнее время Каз встречал их слишком часто. Уже не в первом кабаке ему приходилось смотреть на свое нарисованное лицо с подписью *«Разыскивается за измену короле!»*

– И вы все равно разрешите остаться?

Ничего не сказав, Нираф продолжил подметать.

Глава 2

Каза разбудил шум, доносившийся снизу. Открыв глаза, парень не сразу понял, что находится в комнате на втором этаже крошечного кабака на отшибе. Из всей мебели здесь были только две койки, больше похожие на тюремные нары. На одной из них спал Каз, а на второй... А вторая почему-то пустовала. Парень прислушался. Возбужденные голоса.

Будто он снова в Ночном Базаре.

Каз старался не предаваться лишней раз воспоминаниям о доме. Просто надеялся вернуться – только не знал как. В одном Каз был уверен точно: способ есть. Просто нужно больше времени и информации. Поговорить бы с кем-нибудь о том, что происходит в Ночном Базаре! Да вот только все его проходники пропали.

Саламандр исчез, Заул погиб, а сам Каз теперь по другую сторону – в мире людей. Так что в Ночном Базаре, наверное, уже появились как минимум два новых проходника, которых выбрал мир нечисти, чтобы переходы между мирами и торговля не прекращались. От этой мысли становилось горько и обидно, будто бы сам Каз был не важен, а важна была лишь его функция.

Каз вспомнил, как это было, когда Ночной Базар выбрал его проходником. Тот день парень почему-то до сих пор носил в сердце. Их мир – мир ночных торговцев – сам решал,

кто должен стать поборником его правил и сделок. Как именно Ночной Базар делал этот выбор, никто не знал, просто однажды избранник слышал голос в голове, который говорил не словами, но смыслами. Голос, облекающий ответственностью и способностью перемещаться меж миров. Любой вправе был отказаться. Но никто никогда не отказывался. Это было даром мира, принять который было честью. Стать проходником – тем, кто помогает торговцам ночи заключать сделки в других мирах, – значило заключить большую сделку с самим Ночным Базаром.

Поставив мысленную подпись под условиями, новоявленный проходник навсегда менял свою жизнь и отныне служил целому миру. Его имя в тот же миг узнавал каждый житель Ночного Базара – казалось, его шептал яркий свет луны, рассеиваясь над своими владениями.

Каз еще никогда так долго не бывал здесь. В мире людей он ощущал себя беспомощным. Никакой магии, никаких созданий ночи. Все было слишком обычным и нагоняло тоску. Каз рассчитывал, что найдет за месяц хоть какую-нибудь зацепку, – тайком, по ночам, пробирался к тем точкам, где доводилось раньше встречаться с клиентами, передавая товары. Конечно, он осознавал всю тщетность и глупость своей затеи: Ночной Базар никогда не открывает проходы в одном и том же месте – но все же втайне надеялся, что суровые законы его мира хотя бы единожды окажутся не такими неумолимыми.

Думая о доме, Каз, конечно, думал и о Холде, хотя и одергивал себя каждый раз, когда подобные мысли просачивались. Но помогало плохо. Каз переживал за старого демона, не мог избавиться от навязчивого вопроса: «А жив ли он?», хоть и старался убедить себя в том, что всё в порядке. Парень надеялся, что успел передать кулон и тот все-таки оказался в Ночном Базаре, а не застрял где-то... внутри границы. Холд был обязан получить свою демоническую энергию. Он должен был выжить.

Голоса не стихали. Решив проверить, что происходит, Каз бесшумно вышел из комнаты и начал спускаться по лестнице, но под ногами заскрипели ступеньки. Парень замер, прислушиваясь к звукам вокруг. Но никто не направился в его сторону, и он продолжил спускаться.

Перед ним предстала картина ссоры. Хозяин кабака, впустивший их ночью, беседовал с двумя девушками абсолютно одинаковой комплекции и роста. Каза по-прежнему никто не замечал.

«Их уровень развития поражает своим отсутствием», – в очередной раз подумал парень с сожалением. Люди, конечно, были примитивными созданиями. Это каждый раз заставляло Каза сильнее отрицать то, что он сам – человек. Признать это значило бы фактически оскорбить самого себя.

Каз спустился еще ниже и остановился на последней ступени. Ему не хотелось подслушивать или становиться невольным свидетелем перепалки, но и не сделать этого бы-

ло сложно. Все-таки он был не просто жителем Ночного Базара, а проходником. А проходники привыкли добывать и получать информацию.

– Ты же обещал заплатить ему в прошлом месяце! – закричала девушка справа.

В ее медные густые волосы, стриженные по плечи, были вплетены зеленые атласные ленты. Поза девушки казалась напряженной: одной рукой она возмущенно сжимала полотенце, будто вымещая на нем свою злость, а другую уперла в бок.

У второй девушки в волосах были желтые ленты, расширенные белым бисером. Она стояла в стороне, опустив взгляд, и казалась куда спокойнее первой.

– Я уже объяснял тебе, Ольга, – устало произнес хозяин, – в прошлом месяце дела шли совсем худо, денег еле хватило на продукты.

– Значит, пора закрыть эту забегаловку!

– Что ты такое говоришь, это же... – вторая девушка попыталась вмешаться и остановить первую, но не осмелилась. Когда она попыталась дотянуться до плеча Ольги, ее рука застыла в воздухе.

– Грейла, разве ты не на моей стороне? – девушка с полотенцем обернулась, и атлас зеленых лент в ее волосах блеснул в свете старой люстры.

Девушка, названная Грейлой, вновь опустила взгляд и сделала шаг назад, будто извиняясь. Каз так и не смог понять,

за что именно она ощутила себя виноватой. Люди казались ему порой чрезмерно глупыми, поскольку их действия бывали крайне нелогичными. Каз решил, что никогда не сможет к такому привыкнуть.

– На твоей, но отец... – попыталась оправдаться Грейла.

Тяжелый и пристальный взгляд сестры остановил ее.

– А что отец? Он даже не в состоянии покрыть аренду! Этот старый кабак давно пора прикрыть, а лучше – вовсе продать и хотя бы попробовать расплатиться с нашими долгами.

– Но это не просто кабак. Это прежде всего дом. Дом, полный воспоминаний о маме, – голос Грейлы стал более уверенным.

Хозяин кабака не выдержал и встал между ними.

– Прекратите, девочки, – устало сказал он, будто разговор длился уже не первый час. Мужчина на секунду прикрыл глаза и снова открыл, глубоко вдохнув. – В особенности ты, Ольга.

– Я просто сказала правду, отец, – она недовольно скривила губы, игнорируя пристальный суровый взгляд. Девушка явно чувствовала себя правой. Каз решил, что больше нет смысла скрываться, да и сцена явно подошла к концу.

Он выпрямился и сошел с лестницы, громко приветствуя хозяина заведения, чтобы сообщить всем о своем присутствии:

– Доброе утро!

Все обернулись, и в воздухе повисла тишина. Девушки, в особенности Ольга, принялись его рассматривать, разом замолчав. Казу стало не по себе. Он решил разбавить тяжелую атмосферу и спросил:

– Не знаете, случайно, куда подевалась моя спутница?

Каз решил, что лучше всего будет сменить тему, тем более его на самом деле интересовало, куда это Али направилась в такую рань. В таверне девушка вставала ближе к полудню, чем бесконечно удивляла Каза. Илисс же пожимал плечами и отвечал, что привык к ее любви повалиться – к тому же посетители все равно приходят только к вечеру.

– Отец, ты не говорил про гостя, – с обидой в голосе сказала Ольга, продолжая пристально смотреть на парня. От такого внимания Казу хотелось уйти, убежать, скрыться. Неловкость разрушил Нираф:

– Гости и вправду появились. Вечером в наше скромное пристанище заглянули двое путников, – сказал он, а затем обратил внимание на обеих девушек, представив их: – Это мои дочери. Ольга и Грейла.

– Мое имя Каз, – ответил парень.

Грейла кивнула, а Ольга усмехнулась и сказала:

– Ну надо же... Уже и не надеялась увидеть здесь живого человека.

– Попрошу без оскорблений.

– О чем ты? – не поняла Ольга.

Каз хотел было объяснить этой невоспитанной девице, что

жителя Ночного Базара не следует равнять с собой и называть человеком, но не успел. Дверь кабака открылась, и вошел мужчина. На нем был темный плащ и шляпа, надвинутая на лоб. Казу удалось рассмотреть только заостренный подбородок. Руки незнакомец держал в карманах. Он стоял молча, не произнося ни слова, но одно только его появление вызвало бурную реакцию.

– Что тебе здесь нужно? Еще не срок, а пугать меня не надо. Убирайся! – Нираф сделал несколько шагов вперед, загораживая дочерей.

Хозяин кабака явно знал вошедшего и догадывался о его намерениях. В следующее мгновение Нираф достал из-под барной стойки ружье и направил его на человека. Но тот даже не пошевелился. В тени полей шляпы было сложно рассмотреть губы незнакомца, но Каз был уверен: они изогнулись в усмешке.

* * *

Али бродила по местному рынку. Деревянные палатки на больших колесах. Нет вывесок, не горят яркие огни. За прилавками – торговцы, одетые то ли в застиранные, то ли в потертые от времени блеклые штаны и невзрачные рубашки.

После того как она побывала в другом мире, ее собственный перестал казаться особенным, а все вокруг стало таким обычным, серым и постным, что Али удивлялась, как не по-

нимала этого раньше. За то теперь она могла торчать на рынке часами. Раньше она себе этого позволить не могла. У жизни на улицах есть правило: чем дольше стоишь на месте, тем выше шанс, что попадешь в переделку. Так что долгие годы девушке было не до праздных прогулок. Но теперь она не воришка. В ее кармане – монеты, заработанные трудом в таверне. Али пришла на рынок как обычная горожанка и пыталась распробовать эту новую роль, как экзотический фрукт.

Она по старой привычке надела капюшон, закрывая его тенью свое лицо. Каждую секунду девушка оборачивалась, чтобы убедиться в отсутствии погони. Листовок с портретами предателей короны на рынке не было, но все равно, рассматривая очередную вещицу, Али чувствовала на себе взгляд торговца. Первой ее реакцией было желание убежать как можно скорее, но девушка вовремя останавливала себя. «Ты больше не воровка. Не нужно красть, не нужно убегать. Теперь все, что нужно, ты можешь просто купить. А этот торговец просто внимателен к тебе – как к любому своему клиенту».

Было непросто успокоиться и отказаться от своего прошлого. Али было в новинку ходить по рынку неспешно и вдумчиво, выбирать, что бы купить, а не пытаться как можно быстрее засунуть в карман. Приятно, хоть и непривычно.

Девушка шла вдоль палаток, в которых, казалось, было все: фрукты из других стран; картины, написанные мастерами живописи; украшения ручной работы... Но ничто из это-

го не подходило. Фрукты Каз видал и не такие: в Ночном Базаре существовали и более диковинные – та же кабилла, которая чуть не стоила ей жизни, к примеру. К картинам, как и вообще к искусству, парень был равнодушен. И к украшениям. Насчет последних он говорил, что если в безделушке не спрятано мощное оружие, заклинание или магическая энергия, то она только мешается.

Обреченно вздохнув, Али заставила себя выкинуть скептические мысли из головы. Она должна вы брать Казу подарок и не намеревалась уходить раньше, чем осуществит задуманное.

Хотя рынок и считался небольшим, посмотреть здесь было на что. Конечно, ни одна палатка или навес не могли сравниться красотой и роскошью с теми, что стоят в Ночном Базаре, но Али все равно пребывала в восторге. Правда, времени побродить между прилавками оставалось не так много: девушка хотела вернуться раньше, чем Каз откроет глаза.

Она остановилась у палатки, привлеченная висящим талисманом. Он был сделан из дерева. Кажется, из ели.

– Могу вырезать любую надпись, – сказал торговец. – Может, имя вашего возлюбленного?

Девушка смутилась, хотя и сама не поняла почему.

– Нет, я ищу... эм, нечто другое.

Али поспешила уйти как можно скорее и найти что-то более подходящее. Через пару витрин ее взгляд остановился на оружейном магазинчике. За стеклом она увидела кинжал

с красной кожаной рукоятью. Без камней или узоров. Сталь блестела на солнце. Простой – но наверняка острый. Такой подойдет только Казу. Али подумала, что при свете луны кинжал будет еще прекраснее. А потом закусила губу, ругая себя за эту мысль. Вряд ли Каз сможет вновь увидеть луну Ночного Базара.

И вряд ли примет подарок. И вряд ли он вообще когда-нибудь отмечал свой день рождения. Али тоже нельзя было назвать любительницей пышных торжеств и шумных вечеринок, но в глубине души она скучала по уютным домашним праздникам. В ее детстве их с Мерти мама нередко устраивала семейные посиделки, иногда даже с подарками. Али плохо помнила эти вечера – остались только чувства. Но их было достаточно.

Месяц назад, на следующий день после событий во дворце короля, Казу исполнилось семнадцать. Но они это не обсуждали – как и почти все *личное*. Сейчас нужно было думать о выживании, а не о празднике. К тому же Каз, вспоминая о своем семнадцатилетии, не мог не думать о сделке, которую Холд заключил в Ночном Базаре, фактически обменяв свою жизнь – по крайней мере, согласившись сократить ее на несколько тысячелетий, – на жизнь человеческого мальчика. Бремя долга не самое лучшее чувство и уж точно не повод для веселья. Али понимала это как никто другой.

Но вот они вновь бегут и вновь вынуждены выживать. И ей показалось, что лучшего момента для подарка, возмож-

но, уже не будет. Кинжал был совсем новым. Металл отполирован и начищен, тисненые по лезвию узоры матово блестят, рукоять не истерта... Али была довольна покупкой. Каз слишком давно ходит безоружным. Нож, подаренный ему демоном, – тот самый нож с некогда отломанным кончиком – так и остался в спине командира наемников.

Следовало бы вернуться еще час назад, чтобы застать Каза врасплох, но Али потеряла счет времени.

Вероятнее всего, Каз уже давно проснулся, но она знала, что все равно получится его удивить.

Только вот, зайдя в кабак, в котором они сняли комнату, удивилась сама Али. У самой двери она столкнулась с человеком в черном плаще и шляпе.

– А ты еще кто? – обратилась она к нему.

Но человек не отреагировал. Али оценила обстановку. За спиной напряженного хозяина кабака прятались две девушки, похожие как две капли воды. Ни вечером, ни утром, когда уходила, Али их не видела. Времени разбираться, кто это, не было. Али посмотрела на Каза. Парень выглядел спокойно, даже расслабленно, и стоял, слегка откинувшись на перила лестницы, но Али точно знала, что он сосредоточен и готов к бою.

Поняв, что ее вопрос неизвестный в шляпе проигнорировал, девушка задала следующий, не менее важный:

– Что здесь происходит?

Первым ответил, как ни странно, Каз:

– Ты не думаешь, что об этом нужно было спросить в самом начале?

– Ну уж извини, что перепутала последовательность, – съязвила она и хотела добавить что-то еще в том же ключе, но ее перебил человек в плаще:

– Владелец этого заведения, – он кивнул в сторону, где стоял Нираф с близняшками, – в курсе, кто я такой и зачем пришел. А вам я докладывать точно ничего не должен.

Каз с Али одновременно посмотрели на хозяина кабака. Тот тяжело вздохнул, его плечи слегка опустились, и он устало положил ружье на барную стойку.

– Этот молодой человек – мой ростовщик, – печально ответил Нираф, а Ольга всплеснула руками:

– Отец, ты опять занял?

– Но мы же договаривались попробовать справиться самим! – присоединилась Грейла.

– Я попробовал, – опустив глаза, сказал их отец. – Не вышло.

Каз заметно расслабился. Он знал, что люди называют ростовщиками тех, кто дает им золото в долг. «В долг» – это значит, нужно не только вернуть позаимствованные монеты, но и уплатить за пользование ими. Как бы парадоксально это ни звучало. Да, Каз и вправду не мог понять людей. Зачем брать в долг, если отдавать придется вдвойне или даже втройне?

– Так, значит, он пришел за деньгами, – озвучил Каз и

окинул взглядом владельца кабака и его дочерей. Вот о чем шел разговор, который разбудил парня: у этих людей явно не было средств, в ином случае Нираф не боялся бы прихода этого человека.

– Какую сумму вам должна эта семья? – спросил он и запустил руку к себе в карман.

Ростовщик сделал пару шагов вперед, вглубь кабака, под свет, и снял шляпу. Али закрыла дверь и последовала за ним. Кредитор выглядел юно, и Каз понял, почему хозяин кабака назвал его «молодой человек». На вид ему было около девятнадцати. Всего на пару лет старше самого Каза. Возможно, при помощи своего официального серьезного наряда ростовщик пытался заставить клиентов не обращать внимания на свой возраст.

– Сотню золотых, – озвучил он.

– Сколько?! – в ужасе воскликнула Ольга.

– Но в прошлом месяце было на десять золотых меньше, – упавшим голосом отметил Нираф.

Ростовщик лишь невозмутимо пожал плечами.

– Проценты. Инфляция.

Каз не понял смысла этих слов, но звучали они нерадостно. Сумма действительно была большой. Даже продай владелец кабак, он смог бы отдать от силы треть. Впрочем, это не его, Каза, дело. Он не имел привычки вмешиваться в чьи-то сделки, если они напрямую не касались его самого. Но зато Али имела. И выпалила:

– Мы заплатим!

– Что? Да ты с ума сошла! – вмешался Каз. – Забудь об этом. Это нас не касается.

Девушка знала, что Каз прав. Но ей стало страшно жаль семью. Она плохо знала этих людей – вернее, не знала вообще. Но она видела в них себя и Илисса, который всеми силами удерживал таверну от разорения в не лучшие ее времена. Однажды он сказал: «Если приходится плохо, найди того, кому еще хуже, и помоги ему».

У нее не было и седьмой части требуемой суммы. В карманах оставалось около пятнадцати золотых – точнее, уже четырнадцати после покупки подарка для Каза. Ростовщик лукаво улыбнулся, и Али стало не по себе. Она знала, что предвещает такая ухмылка.

Ничего хорошего.

– У вас пять дней. А после я вернусь.

Он не сказал, что будет, если денег они не соберут, но догадаться было несложно. Все причастные будут убиты. Ни один уважающий себя ростовщик не оставляет в живых злостных должников. Проще забрать имущество мертвеца, чем ждать, когда нищий найдет монеты.

Такова сделка.

Молодой человек снова надел шляпу, бросившую таинственную тень на лицо, и вышел из кабака, плотно притворив скрипучую дверь.

Каз сердито посмотрел на Али:

– Какого. Дьявола.

Девушка ощущала, что сердце стучит в ушах, а кровь бежит по венам и артериям быстрее. И правда – во что она снова ввязалась? Еще и Каза утянула, с та кой легкостью бросив и на его плечи ответственность за сказанные ею в горячке слова.

Первой от происходящего отошла Грейла. Она оценивающе и недоверчиво посмотрела на Али:

– Зачем ты это сделала?

– Мне тоже очень интересно, – вставил Каз, скрестив руки на груди.

Но девушка не могла ответить даже себе. Она точно не знала, почему высказала столь глупое обещание – найти сотню золотых. Десяти монет ей обычно хватало на пару месяцев жизни, а больше двадцати она и не видала. А тут – целая сотня. Али думала лишь о том, что Илисс когда-то тоже испытывал подобные трудности. В том числе из-за нее. Ему приходилось из своих накоплений давать взятки городской страже, чтобы непутевую девчонку отпустили и закрыли глаза на очередное мелкое воровство. Он платил и когда она ввязывалась в потасовку с шумным посетителем, после которой в таверне билась посуда, ломалась мебель, царапался свежий лак на полу...

Она знала, что скажет Каз: «Это не наше дело!» Али буквально слышала в своей голове его упрекающий голос. И знала, что парень прав. Но ничего не могла сделать. Обещание

было уже дано. Али пожала плечами и сказала правду:

– Не знаю, – ответила она.

Каз тотчас же оказался возле нее и взял за запястье.

– Пойдем, – холодно сказал он.

Такой тон не требовал ответа, поэтому Али молча последовала за Казом. Они поднялись по лестнице и вошли в свою небольшую комнату. Здесь не было даже стола или шкафчика, поэтому вещи лежали прямо на полу. Зато было тепло, а утром в крохотное окно лилось яркое солнце. Казу оно до сих пор не нравилось, но Али любила ощущать тепло света и нежилась в нем.

Парень протолкнул девушку вперед и закрыл дверь – скорее по привычке, нежели из соображений безопасности: стены в кабаке были такие тонкие, что их разговор вполне мог быть услышан из запертой комнаты.

– Объясни, – потребовал он.

Али давно поняла: чем немногословнее, тем хуже ситуация. Каз был всегда серьезен и, казалось, не позволял себе расслабиться даже во сне. Но девушка ловила себя на мысли, что порой он все-таки разрешает себе отвлечься, правда, не любит, когда это замечают.

– Я думаю, мы должны отплатить за гостеприимство, – произнесла Али неуверенно. Ничего лучше она придумать не смогла. – Нираф единственный, кто позволил нам остаться, несмотря на риск. Нельзя быть неблагодарными.

– Мы и заплатили, – голос парня был тяжелым. – И запла-

тили бы вдвойне, уходя, потому что ты права: хозяин этого развалившегося кабака оказался единственным, кто не выставлял нас спать на улицу и позволил провести ночь в безопасности.

Али было нечего на это сказать.

– Но сотня золотых! – раздраженно-причитающе воскликнул Каз. Девушка сделала шаг назад, но не собиралась уступить.

– Я дала слово, Каз. И не могу нарушить обещание.

– Об этом слове тебя никто не просил, – парень нахмурился еще больше. – Глупые люди. Вы вечно даете обещания, заключаете бессмысленные, лишённые оснований, сути и выгоды сделки, – он посмотрел ей прямо в глаза. – И ради чего?

– Это не сделка. Это помощь.

– Нет, Али, это сделка: ты хочешь дать людям что-то за то, что они дали тебе. Такой обмен и называется сделкой. Вот только ваши вклады неравноценны.

Каз сел на худую койку. Матрас прогнулся под весом парня, а пружина неприятно скрипнула. Девушка не решилась сдвинуться с места. Они находились в тишине. Каз был занят своими мыслями, а Али совершенно не знала, что теперь говорить. Она, конечно, понимала, что у них самих слишком много проблем: король желал их смерти, а теперь еще оказалось, что и наемники в белой форме от него не отстают. Али пришлось вновь оставить Илисса и сбежать, чтобы не под-

вергать его опасности, лишив себя возможности любой связи с ним – как уже оказалась лишена любой связи с недавно найденным братом. А Каз лишился не только своего опекуна, с которым провел практически всю жизнь, но и настоящего дома – и целого мира.

Через какое-то время Каз заговорил первым:

– Где ты планируешь достать сотню золотых?

Али вздрогнула от неожиданного голоса, вырвавшего ее из раздумий.

– У нас всего пять дней, – осторожно произнесла девушка. – Времени нет, оно исчезает с каждой секундой, а мы с тобой находимся не в лучшем положении и...

Каз изогнул бровь.

– Ты издеваешься?

– Извини, – Али вздохнула. – В общем, есть только один способ достать такую большую сумму за такой короткий срок.

Каз заинтересованно смотрел на нее, не отводя взгляда.

– Диф, – назвала она имя и загадочно улыбнулась. Каз с удивлением разглядывал ее лицо, которое вмиг изменилось, словно она уже нашла сотню золотых, а им в затылок больше не дышат две безумные армии. Лицо Али буквально излучало радость.

– Угадай, где я была? – лукаво спросила она.

– Когда? – уточнил Каз.

Али вздохнула. Игры не получится. И она сдалась:

– У меня для тебя кое-что есть.

Не дав Казу произнести и слова, она достала футляр, до того надежно спрятанный в глубоком кармане, и протянула его парню. Каз недоверчиво переводил взгляд с Али на предлагаемый ему предмет.

– Не смотри так, будто это бомба! – сделав оскорбленный вид, сказала Али.

– Скорее уж яд... – Каз осторожно взял футляр в руки и повертел, прежде чем открыть. – Точно не взорвется?

– Открывай уже, – велела она, стукнув Каза в плечо.

И он открыл.

– С днем рождения! – улыбнулась Али.

Каз коротко кивнул, вынимая кинжал. Он рассматривал его так, словно хотел увидеть каждую мельчайшую деталь – и удостовериться, что это не подделка. Парень был похож на ювелира, что вертит алмаз под лупой – с любовью и всепоглощающим интересом. Али засмеялась.

– Для чего это? – спросил Каз.

– Это подарок. Это я – дарю – тебе.

Каз был поражен. Ему никто ничего никогда не дарил. Даже в дни рождения. То есть – *тем более* в дни рождения, ведь дни рождения в Ночном Базаре не отмечаются: это просто точка на карте его жизни; день, от которого принято отсчитывать остальные дни. Не более.

– И на это ты потратила деньги?

– Мог бы просто сказать спасибо, – обиделась Али.

Она видела по глазам Каза, что подарок ему нравится. Когда парень смотрел на кинжал, в его глазах пылали искры. Но он не знал, как быть благодарным и выразить это. Эмоции не были его сильной стороной. Он чувствовал радость и одновременно тяжесть от этой радости. И поэтому сказал нарочито грубо:

– В Ночном Базаре не говорят спасибо – это бессмысленно. Сколько раз повторять?

Али закатила глаза. И как она могла забыть это дурацкое правило!

– Твоя покупка нерациональна, – добавил Каз. – Эти деньги мы могли вложить в те сто золотых, которые мы теперь обязаны каким-то образом найти.

Али поняла, что на этом праздник закончился. Каза вновь мучил вопрос долга – только теперь не морального, а финансового, который, впрочем, оказался едва ли не тяжелее. Его груз ощущала и девушка.

– Могу отнести обратно, если не нравится.

Каз ничего не ответил, но и не спешил возвращать подарок. Аккуратно отложив футляр, он спрятал кинжал за пояс, и Али улыбнулась: «Значит, понравился!»

– Как мы найдем твоего дружка? – сменил тему парень.

– Диф мне не дружок, – сухо отрезала Али, окончательно вернувшись в реальность из радости.

– Нам нужно уходить, – снова невпопад сказал Каз. Времени и вправду было мало.

Сдержанно попрощавшись с Нирафом и его дочерьми, они вышли из кабака, но через пару метров Каз остановился:

– Ты знаешь, куда идти?

– Примерно.

Ответ парню явно не понравился, и он недовольно покопился на подругу. Та сдалась.

– Ну ладно, я не знаю, ясно? – стараясь не смотреть на Каза, выпалила она, говоря как можно быстрее. – Но знаю того, кто может знать, где Диф сейчас работает.

– Не слишком обнадеживает.

– Это все равно единственный вариант.

Глава 3

Хозил не знал точно, сколько прошло ночей с момента, как Холд выхватил кулон из смыкающейся границы. Может, около двух. А может, и больше. Хозил потерял счет времени. Мысленно он радовался, что нечисть не нуждалась так остро в еде и воде, как те примитивные люди в другом мире. Создания ночи ели и пили редко – и в основном только для удовольствия или чтобы восстановить большие потери энергии.

Хозил поддерживал тепло с помощью магического огня, для которого были не нужны сухие листья и ветки. С того момента, как маг впервые попробовал сотворить пламя, он чувствовал в себе все больше этих новых сил и был очень им рад. Иногда к нему приходила Жеззи и составляла компанию, но потом снова исчезала. Маг устал и был зол. Ему хотелось поскорее покинуть Светлый лес и вернуться к обычной жизни – сбору трав, исцелению от ядов, простым и выгодным сделкам. Хозил пытался подсчитать, сколько клиентов уже потерял за время своего затянувшегося отсутствия. И ведь даже не успел никого предупредить!

А во всем виноват упрямец Холд и его треклятое обещание нимфе.

Старый демон отказывался уходить. Ручей все еще был мутным, а значит, Хозил по-прежнему связан условиями

сделки с Холдом. Но тот словно впал в ступор. Он бесконечно скользил пальцами по цепочке кулона, висящего на шее, время от времени брал его в руки, перекладывал из ладони в ладонь, потом вновь прятал под одеждой. И так сколько уже ночей? Две? Или больше?

После того как тот малец выбросил Холду хранилище его энергии, на демона напала хандра. Прежде Хозил и не знал, что с демонами такое бывает. Видимо, Холд и вправду стареет.

– Не можешь же ты в самом деле волноваться за человека... – вслух произнес маг.

Это даже не было вопросом. Переживать о смертном? Бессмыслица! У Хозила попросту не укладывалось такое в голове, поэтому он не мог воспринимать такую теорию всерьез и ждал, что Холд тоже поймет всю глупость своих переживаний и привычно хмыкнет. Но Холд не хмыкнул. Вообще никак не отреагировал. Он мирно сидел, глядя на кулон, который поблескивал в свете магического огня, сотворенного лекарем.

Хозилу надоело.

– Да что с тобой не так? – не выдержал маг и двинулся в сторону Холда. – Я вроде выполнил свою часть сделки и сделал то, что обещал!

Демон впервые за долгое время поднял глаза и очень серьезно, даже пугающе посмотрел на мага. На мгновение тот пожалел о своих словах, но забрать их обратно уже не мог.

– Но мы так и не решили проблему виравы. И Ночной Базар по-прежнему в опасности.

Хозил замялся.

– Насколько я понимаю, – начал он, тщательно подбирая слова, – все упирается в Шириту, брата лесной королевы. По крайней мере, она намекнула, что он был не прочь прихватить ее владения. Так что его-то мы и подозреваем в ее отравлении. И, следовательно, в появлении брешей. Границы Ночного Базара скреплены здоровьем королевы Светлого леса, и сейчас их, как и саму госпожу Ветряной Клинок, мучает яд. И чем дольше он отравляет вираву, тем слабее и проницаемее границы нашего мира и тем больше в них брешей... Все это уже совершенно понятно, но неужели ты и вправду думаешь, что мы вдвоем справимся с хозяином Темного леса? Ей-богу, Холд, в нашем-то возрасте!

Демон устало прикрыл глаза.

– Я еще молод.

– Ага, как же. Это не наше дело, Холд.

Демон вскочил, уставился на Хозила, который невольно попятился, и зарычал так, что у того заложило уши:

– Это *наше* дело!

Конечно, Хозил понимал, что ситуация с брешью только усугубляется – сердце виравы бьется все слабее – и ничем хорошим это не кончится. Возможно, если лесная королева погибнет, Ночной Базар даже исчезнет. Но все же маг не понимал, почему Холд чувствует *личную* ответственность за

происходящее, – не все в мире, в конце концов, держится на плечах демона, и не все подвластно его силе.

Холд, признаться, тоже не понимал. Он просто чувствовал, что должен – будто заключил сделку с самим Ночным Базаром. Сколько раз великая воля мира выручала его! Она даже подарила ему Каза. И неужели теперь – когда действительно пришло время – демон не в состоянии вернуть хотя бы часть этого долга?

Хозил искренне желал помочь. Он любил свой шатер и то особенное место на окраине под яркими звездами, где он располагался, но хорошо оценивал свои силы и способности. Куда им, двум старикам, тягаться с такой большой и неведомой силой? Как *им* спасти жизнь лесной королевы и стянуть бреши, что, подобно язвам, расползаются по границам целого мира? И возможно ли это?

– Извини, – сказал Холд, чуть отшатнувшись, но в его взгляде не было сожаления, только отчаяние. – Я, кажется, сорвался.

– Кажется? – возмущенно заверещал маг.

– Но не убил же. Я прекрасно себя контролирую.

Хозил хотел возразить, но остановился. Демон вновь уставился на кулон в своей руке.

– Почему бы тебе не оставить его в покое? – спросил Хозил.

Холд сначала не понял вопроса. Казалось, его мысли слишком далеки отсюда и демону необходимо время, чтобы

настроиться на разговор. Он снова уперся взглядом в кулон, перекатывая его по пальцам, словно монетку.

– Пожалуй, – демон задумался, а потом спрятал цепочку под одеждой.

Хозил не знал, плохой это знак или хороший, но решил не гадать понапрасну.

– Если не хочешь помогать – уходи, – внезапно добавил Холд, и голос его был уверенным и твердым. – Ты прав. Ты сделал все, что мог. Я меняю условия сделки... Ты ничего мне больше не должен.

Маг не ожидал услышать подобное и не понял, как реагировать. Он не хотел больше чувствовать ответственность за жизнь виравы и целого мира – но теперь понял, что не готов оставить Холда бороться в одиночку. Это было как минимум глупо: разве сможет этот демон справиться? Но и Хозил тут был мало полезен. Вот только Холд этого не понимал.

– Ночной Базар и мой дом тоже, – ответил решительно маг. – Посмотри на себя: живешь не первый век, а думать так и не научился?

На язвительный комментарий демон отреагировал не так дружелюбно, как рассчитывал маг. Холд оскалил зубы, и Хозил понял, что лучше быть поосторожнее со словами. Он сглотнул и продолжил, выдержав паузу:

– В общем, я пытаюсь сказать, что нет шансов. Ни у нас вдвоем, ни тем более у тебя одного.

На удивление мага, Холд с ним согласился.

– Я знаю. И не прошу тебя оставаться, если считаешь, что затея провалится.

– Конечно, считаю!

Прежде чем Холд успел ответить, маг, чтобы не передумать, заговорил быстрее:

– Но коли ты решил найти на свои старые мозоли приключения под конец своей жизни, заодно угробив и мою, я помогу тебе. Но с одним условием.

От удивления глаза демона даже поменяли цвет. Он ждал.

– Нам нужен четкий план.

Холд кивнул, соглашаясь:

– Разумно. Для начала неплохо бы найти этого самого хозяина Темного леса.

– А дальше? – со странной надеждой в груди спросил Холд.

– А дальше посмотрим, – ухмыльнулся демон. Маг обреченно вздохнул.

С первым шагом, предложенным демоном, спорить было трудно, но разум мага одолевали сомнения. Во-первых, Холд не имел ни малейшего понятия, как найти брата виравы. А во-вторых, даже если сама судьба благословит двух престарелых созданий ночи и они чудом смогут найти Шириту, то уж точно никакое везение на свете не сделает их переговоры мирными.

Маг улыбнулся своим мыслям. Ему представилось, будто они с Холдом пришли к хозяину Темного леса и говорят:

– Уважаемый, а не могли бы вы прекратить вершить свои мрачные дела, какова бы ни была их суть и цель? Видите ли, это вредит Ночному Базару и, возможно, разрушает границы с миром людей. А этих слабовольных созданий, по правде говоря, видеть на нашей Торговой площади и у наших шатров особо не хочется – а они непременно хлынут к нам мощным потоком, стоит лишь границам стать окончательно проницаемыми.

И тогда Ширита отвечает:

– А, да? Ну если так, то без проблем. Конечно, прекращу! Хозил издал смешок и хотел было пофантазировать, как после этого Ночной Базар придет к процветанию, но был отвлечен от этих мыслей пристальным взглядом Холда. Вернувшись в реальность, лекарь подумал, что демона терзают те же сомнения в адекватности первого пункта их плана, – но выбора, как и второго пункта, нет. На кону стоял дом, в котором они жили, и другого дома – как и другого мира – у них не было. Холд посмотрел на виряву. Она по-прежнему лежала на мягкой зеленой траве. Казалось, весь лес оберегает свою королеву. Ветра не было. Ни один волосок на ее голове не шевелился. Жеззи мирно посапывала неподалеку, пристроившись на толстой ветке, покрытой мхом, и уютно сложив ладошки у себя под щекой. Но у них не было времени ждать, пока нимфа выспится и восстановит энергию. Холду пришлось по тревожить ее покой.

– Мне нужно знать, где найти Шириту, хозяина Темного

леса, – уверенно произнес он голосом, которому можно было только подчиниться.

– Где он, может точно сказать только наша госпожа Ветряной Клинок, – с легкой растерянностью ответила Жеззи и добавила: – Возможно, вам стоит знать, что настоящее имя хозяина – Трескучий Вереск, но он отказался от него давным-давно, как и от своей сути дриада, хранителя границ. Его всегда слишком привлекали шум и суэта городских площадей Ночного Базара, и он выбрал себе имя, какое носил бы самый богатый из торговцев ночи...

Холд шумным вздохом дал понять нимфе, что эти лесные байки не очень его интересуют, и продолжал нависать над ней, как бы выжимая ответ тяжестью своего присутствия. Он даже скрестил руки на груди и нахмурил брови, чтобы придать себе более серьезный вид.

«Хотя куда еще серьезнее?» – усмехнулся про себя маг, но вслух ничего говорить не стал. Пусть разбираются сами.

Под натиском демонического взгляда нимфа сдалась.

– Поэтому вряд ли стоит искать Шириту в Темном лесу. Скорее всего, он предается утехам и бесконечным празднованиям в кабаках, за карточным столом и в шатрах любви. Однако, – Жеззи сделала паузу, размышляя и подбирая слова, – вам нужно сначала... – она осеклась и задумчиво посмотрела на виряву.

– Что? – не выдержал Хозил ее молчания.

– Отправиться напрямиком в самую темную часть нашего

мира, – дала ответ нимфа, и он звучал как пророчество. – Найдите мрак, что чернее ночи. Загляните в него. Стяните бреши. Спасите королеву. Спасите Ночной Базар!

* * *

Хозил завидовал Ветряному Клинку. Королева была погружена в сон, и ей не нужно было идти на верную смерть в попытке разобраться с проблемами целого мира. Хоть маг и решил остаться с демоном, плохие предчувствия и усиливающаяся паника вновь принялись его одолевать, и лекарь без конца мысленно причитал, пытаясь понять, за какие грехи он вынужден так страдать. Хозил перебирал в уме все свои сделки. Возможно, он пару-тройку раз – ну ла-а-адно, пару десятков – и обманул людей, но разве это можно считать преступлением? Вот их глупость куда хуже любого вероломства. А в чересчур неразвитом уме людей Хозил точно никак не был виноват.

Жеззи осталась охранять свою госпожу, но силы покидали нимфу – как и весь Светлый лес, и ей приходилось бороться, чтобы не забыться крепким сном подле Ветряного Клинка. Жеззи не хватало энергии даже продолжать разговор – вся она шла просто на то, чтобы оставаться в сознании. Уходя, Хозил долго смотрел на нее и мысленно пообещал все исправить: излечить от яда Ветряной Клинок, очистить воду ручья, стянуть бреши между мирами. Сколько же всего,

только подумать!

– Заткнись! – велел Холд.

– Но я ничего не сказал! – воскликнул Хозил, остановившись от такой наглости демона.

– Не сказал, – согласился Холд. – Но ты вздыхаешь уже восьмой раз, и это жутко раздражает.

Маг ничего не ответил, только постарался переключить мысли на что-нибудь менее изматывающее, чтобы не испытывать терпение демона. Происходящему сопротивлялся не только разум Хозила – само тело, казалось, протестовало. Обычно маг помогал себе от личным заклинанием от усталости, когда, например, наплыв заказов заставлял трудиться несколько лун подряд. Но это путешествие не шло в сравнение ни с одной подобной ночью.

– Что будем делать после? – спросил Хозил у впереди идущего Холда.

Вопрос удивил демона, но останавливаться тот не стал. «И какого черта я здесь?» – вздохнул маг. В девятый раз.

– После чего?

– После того, как найдем хозяина Темного леса, этот Ползучий Папоротник или как его там... И зачем его искать, это же чистой воды безумие! Ох, мое сердце... – Хозил в десятый раз театрально вздохнул и даже прижал обе руки к груди, замедляя шаг. На лице мага отразилась боль. Холд, обернувшись, только усмехнулся.

– У магов нет сердца, – сказал он.

– Черт, думал, ты не знаешь, – Хозил выпрямился.

– Как не знать!

Тем не менее вопрос оставался открытым, и Холд, поразмыслив, ответил:

– Жеззи сказала, что Ширита не в Темном лесу. Значит, где-то в городе. Но город большой. И как Ширита выглядит, мы не знаем. Нужно прикинуть, где именно может находиться могущественный брат лесной королевы, любящий шум и торговлю, и найти его, а после я заставлю его исправить все это – если подтвердится, что свою сестру отравил именно он, конечно. Или, по крайней мере, мы хотя бы узнаем, чем именно отравлена вирява, сможем приготовить противоядие и спасти ее.

Хозила страшно порадовало, что не придется идти напрямиком в Темный лес, куда обычно не ступает нога образцового жителя Ночного Базара.

– Так просто? – недоверчиво уточнил маг.

– У тебя есть другие идеи?

– Ладно, промолчу, что мы знать не знаем, где именно искать Шириту, и что ты делаешь вид, что нимфа не говорила всей той жути про заглянуть в самый мрак. Но как ты собираешься заставить столь древнее существо, как он, отказаться от притязаний на вторую часть Леса? Думаешь, он не в курсе, что это привело к появлению брешей в границах Ночного Базара? Или в курсе – но он просто не готов ни перед чем останавливаться? Даже если весь мир станет ценой?

– Ты задаешь слишком много вопросов.

– Имею полное право: от ответов зависит моя жизнь, – возмутился Хозил.

– Тогда тем более тебе лучше не знать. Целее будешь.

– Да у тебя просто нет никакого плана, старый ты обманщик.

Демон не стал отрицать и оправдываться. А Хозил и без него знал ответы на свои вопросы, но ему хотелось услышать от своего спутника хоть что-то напоминающее стратегию. Пока лекарь пытался примириться с бушующими эмоциями, стало темнее некуда.

Ночной Базар всегда был освещен сиянием серебряного солнца и звезд. Но с каждой ночью светила становятся все бледнее. Маг, сколько себя помнил, никогда прежде не видел свой мир в таком мраке. Светлый лес – и тот словно погрузился в сумерки. Но даже это, видимо, не та тьма, которую им предстоит увидеть. Зловещие слова Жеззи не выходили у Хозила из головы. Мрак, что чернее ночи... Но не Темный лес. А что тогда? И где его искать?

«Хорошо, что мы возвращаемся обратно в цивилизацию», – с облегчением подумал маг. Он устал от тяжелых мыслей.

* * *

Возвращение в цивилизацию заняло даже меньше време-

ни, чем он ожидал. Просто в какой-то момент Ночной Базар словно выпрыгнул из-за леса и уже встречал своими огнями на палатках торговцев, мерцанием звезд и светом луны, который, хоть и был непривычно блеклым, все равно не мог не радовать.

– Будто и вовсе никуда не уходили, – сказал Холд и тут же осекся.

Разница с тем городом, который они покинули несколько ночей назад, была огромной. Сердце вирявы билось все медленнее, и Ночной Базар не мог не чувствовать этого. Он, хоть и продолжал жить своей жизнью, словно погрузился в сон. На площади все еще стоял шум, торговцы спорили с покупателями, а те, в свою очередь, пытались снизить цену или выбить сделку полегче – но это уже была не бурная река магии и торговли, а обмелевший ручей. Лампочки над шатрами горели не в полную силу, будто притух ли под стать ослабевшей луне. Все цвета тканей, тентов, пологов, флюгеров, флажков и спилей угасли, помрачнели – казалось, их смыло серым дождем. Из Ночного Базара украли краски, блеск и свет. Жуткое, жалкое зрелище.

«Если бы я никогда не существовал, мир этого даже бы не заметил», – невольно подумал маг и тут же понял, как соскучился по крикам, толкотне, суете и посторонним голосам. Его единственный собеседник в лице ворчливого Холда ему порядком надоел. Маг планировал отдохнуть по меньшей мере пару недель, чтобы как следует позабыть демона и

не вспоминать его – в идеале – еще несколько веков.

Но мечтам не суждено было сбыться. Холд уже куда-то настойчиво тащил его. Маг тяжело вздохнул, желая максимально явно продемонстрировать демону свое недовольство и возмущение происходящим. На этот раз магу даже не нужно было задавать вопрос, чтобы услышать ответ.

– Идем в мой шатер, – коротко бросил Холд на вздох Хозила.

– Зачем это? – удивился маг.

– Забрать кое-что.

Хищная, походившая на оскал улыбка заставила Хозила не возражать и молчать всю оставшуюся дорогу.

Первое, что сказал маг, увидев жилище демона, было:

– Впечатляет!

Хозил с практически детским восторгом принялся лазить по углам шатра, рассматривая все, что попадалось в его руки. Он хотел это сделать еще в прошлое свое посещение демона, но тогда, конечно, смелости не хватило.

Холд не обращал на него внимания, да и Хозил был слишком увлечен: когда еще ему представится возможность так вольготно чувствовать себя в логове демона!

Холд хотел отчитать мага, который лез не в свое дело и вел себя совершенно непочтительно, но осекся. В конце концов, такова натура лекаря. А у него самого была задача поважнее.

Демон подошел к книжным стеллажам, которых было немало. Книги были буквально напиханы на полки, а те, что

не поместились, или лежали стопками одна на другой на полу, образовывая лабиринты, или просто валялись. В библиотеке Холда, которой, по сути, и был весь шатер, никто не убирался и не наводил порядок довольно давно... Точнее – никогда. А пора бы.

Однажды Холд просил Каза навести порядок и рассортировать книги по содержанию: заклинания опасные, заклинания боевые, а за ними целебные, потом гипнотические... Но мальчишка махнул рукой – мол, не его это обязанности – и отвечал, что не станет, потому что демон уже на следующую ночь все снова разбросает, а раз Холду так это нужно, то пусть сам и сортирует.

Холд опустил взгляд и взял книгу. Он пролистывал страницу за страницей, но не мог сосредоточиться на тексте. Отвлекали раны, дающие о себе знать. За последнее время пришлось выдержать несколько сложных боев, и это порядком вымотало и так почти смертельно истощенного демона.

Он дотронулся до кулона, мирно висящего на шее. Демон потерял его довольно давно, но прежние ощущения от привычного металла на коже вернулись быстро. Мысли Холда неслись к Казу. Нечисти странно испытывать подобные чувства, и Холд не мог признаться даже себе, что ему действительно не хватает мальчишки. Будто сына потерял. Глупости, конечно. Это от усталости. Он растил и воспитывал его, всегда зная, что их пути рано или поздно разойдутся. Все-таки Каз был человеком, хоть и принадлежал Ночному Базару.

Холд жалел, что отправил своего смертного мальчика в ненавистный ему мир. Но разве был выбор? В ином случае демон бы умер, а демоны не должны волноваться ни о чьей жизни, кроме собственной. Однажды он уже совершил опрометчивый поступок, нехарактерный для созданий ночи, забрав умирающего мальчишку и обменяв свою жизнь на его. Второй ошибкой было отпустить его.

Холд захлопнул книгу и повернул обрезом к себе. Старая бархатная закладка все еще была здесь. Демон открыл нужное место и коснулся когтем темно-желтой иссушенной страницы. Не думал демон, что этот отрывок и вправду когда-нибудь пригодится. Точнее, сильно надеялся, что *не* пригодится. Но чутье редко подводило, и давным-давно он отметил для себя этот небольшой фрагмент.

– Нашел! – воскликнул демон.

В ответ он услышал звук разбивающейся посуды.

– Упс, – раздался голос Хозила.

Холд медленно обернулся. Он знал, что увиденное только расстроит его. Слишком уж знакомый звук. Когда Каз был еще совсем малышом, он часто что-то разбивал – и каждый раз получал хороший нагоняй. Но демон и предположить не мог, что маг, живущий не первый век, будет вести себя как человеческий несмышлениш.

Впрочем, удивительного мало.

Он многозначительно посмотрел на смущенного Хозила, который нелепо пытался закрыть собой осколки вавилон-

ской вазы, доставшейся Холду по сделке с одним правителем. Демон изогнул бровь сильнее и не отводил взгляда, ожидая объяснений.

– Эм... – замялся виновник. – Это не я.

– Каз в семь лет отвечал так же, – усмехнулся Холд.

– Как ты смеешь сравнивать меня со смертным? – возмутился Хозил.

– Сейчас вы очень похожи. Особенно поведением, – пожал плечами Холд.

Маг только сильнее нахмурился.

– Это оскорбление?

– Как знать.

– Черт, были бы силы на магию, я бы все починил! – принялся оправдываться Хозил. – Ты же мне веришь?

Проигнорировав реплику мага, Холд подошел к нему и протянул книгу, показав на отмеченный отрывок.

– Думаю, это поможет найти Шириту.

Взгляд Хозила был полон сомнений. Маг бегло читал, шевеля губами. Перед ним было заклинание, способное призвать *любого*. Вот только был один нюанс: чтобы воспользоваться им, нужно было зеркало правды. А Хозил уже долгое время не видел никого, кто торговал бы подобным. Люди терпеть не могли правду, потому и спроса на товар не было. Найти такое зеркало если не невозможно, то очень тяжело.

Холд терпеливо ждал.

– Попробовать можно, – наконец неуверенно промолвил

маг. – Все равно ничего лучше нет.

Оба понимали, что обычное заклинание, призывающее нечисть, не подействует на высшее создание ночи, каким являлся хозяин Темного леса. Он был настолько древним, что это делало его сильнее многих, почти самым могущественным в Ночном Базаре. Или, учитывая тяжелое состояние его сестры, – самым могущественным.

– Ты знаешь, где найти зеркало правды?

– Боюсь тебя расстроить, но нет, – Хозил призадумался. – Хотя есть тот, кто мог бы знать.

– Кто?

– Одна моя знакомая. Кицунэ.

Хозил не хотел вспоминать об этой особе, но иного выбора не было. Эта лисица-оборотень однажды соблазнила его – по крайней мере, так он рассказывал эту историю себе, – а потом им пришлось расстаться по некоторым причинам, о которых маг не желал говорить и даже думать.

Холд посмотрел на него понимающе. О лисицах ходило много слухов. Они были красивы, коварны. Демон вполне мог представить, *что* могла такая сделать с наивным лекарем-простачком.

– Прежде чем я вернусь к самым, на мой взгляд, унижительным событиям моей жизни, – сказал Хозил, осознавая неизбежность этого, – мне нужно знать, что ты собираешься делать после того, как мы вернем к жизни вираву. Бреши стянута, Ночной Базар вновь станет прежним безопасным

для нечисти местом – и что тогда? Хочу понимать, ради чего мы так рискуем.

– Я хочу спасти Ночной Базар, чтобы вернуть Каза домой, – твердо, без всяких сомнений ответил Холд.

Он все давно решил, и Хозил понимал это. Как и то, что вопрос «как?» сейчас неуместен. Ответа у демона все равно не было.

* * *

Хозил старался идти как можно медленнее, Холд это видел, но решил не торопить. Демону мало что было известно о связи мага с кицунэ, а прислушиваться к любовным сплетням привычки не было. Они не приносили пользы.

Как бы Хозил ни пытался отсрочить неизбежное, к дому кицунэ они все-таки пришли. Ее шатер был не таким большим, как у Холда, зато намного ярче – и сразу было понятно, что здесь живет лисица.

Полотно шатра было соткано из тонких серебристых нитей и отражало свет луны, рассыпая его вокруг ослепительным блеском. На светлом куполе были вышиты черные звезды, складывающиеся в большое изображение кентавра, стреляющего из лука в убегающую лань. Низ и полог были темно-синими, и казалось, что верхний поток мерцающего серебра, спускаясь вместе с мифическими образами, утопал в небе цвета ночного индиго, подобно сложному звездопаду,

пропадающему во мгле космоса.

Демон дотронулся до края полога, чтобы войти. Ткань была гладкой, практически невесомой и приятной на ощупь. Про себя Холд подумал, что лисице сто́ит отдать должное: вкус у нее однозначно был. Хозил на красоту шатра не обратил внимания. То ли уже насмотрелся в былые времена их с кицунэ связи, то ли его мысли были заняты другим.

Они вошли.

Кицунэ сидела спиной к незванным гостям. Поджав под себя ноги в позе сэйдза¹, она устроилась на полу на подушке за маленьким столиком и широкой кистью выводила какие-то знаки на пергаменте. Возле нее догорала свеча, от которой исходил легкий аромат черного перца и горькой цедры.

Лисица обернулась. На ее лице не было никакого удивления.

– Я знала, что ты вернешься. Маг потупил взгляд и произнес:

– Здравствуй, Умэ.

На Холда она внимания не обратила, но демона это не расстроило. У него было время рассмотреть хозяйку шатра. Кицунэ была в нежно-сливовом вафуку² с пурпурным поясом, некогда туго завязанным на тонкой талии, а сейчас чуть распущенным, чтобы полы немного выбились, распахнув голые

---

¹ Сэйдза – японский термин для обозначения одного из традиционных способов сидения на полу на коленях.

² Вафуку – то же, что кимоно; традиционная одежда в Японии.

плечи. Демон был более чем уверен, что она сделала это специально, услышав шаги. У лис был острый слух.

Черные длинные волосы Умэ доходили до поясницы. Локоны находились в беспорядке, будто девушка уже неделю не могла найти свою расческу, но тем не менее были шелковистыми и опрятными. Собранные на нитку крохотные бусинки, похожие на семена, лаконичным ожерельем лежали над впадинками ключицы. Глаза кицунэ горели и были алыми, как пламя. Умэ в упор смотрела на Хозила. Без злости или упрека, но с явным вызовом. Она отложила в сторону еще не высохшую от чернил кисть и встала.

Холд обратил внимание на пышный черный хвост с белой кисточкой на конце, который был словно живым и отдельным, но плыл вместе со своей хозяйкой, повторяя все ее движения, как бы вычерчивая их контур в воздухе. Шла кицунэ уверенно, и ее губы были плотно сжаты, словно она сдерживала подступившие слова, ожидая подходящего времени, чтобы сказать их.

Когда Умэ подплыла к Хозилу, все еще не поднимающему взгляда, Холд мысленно сделал ставку на то, что девушка хорошенько треснет мага своей лапой с темными острыми когтями, оставив на его лице пару глубоких царапин, но кицунэ впилась губами в губы Хозила. Лекарь дернулся, попытавшись вырваться, но это было бесполезно, и он тотчас сдался.

Холд окликнул бывших возлюбленных:

– Сожалею, что прерываю примирение, но...

Кицунэ злобно фыркнула и, казалось, только сейчас обнаружила, что Хозил пришел не один и в шатре три создания ночи.

– Если сожалеешь, – резко сказала она, – не прерывай.

Хозил очухался и аккуратно отодвинул лисицыно лицо от своего обеими руками. Демон рассчитывал увидеть разочарование кицунэ, но на ее губах заиграла улыбка. Осторожно ступая босыми ногами по коврам, Умэ вернулась на свое прежнее место и аккуратно уселась в то же положение, а затем вопросительно посмотрела на мага и спросила:

– И что же снова привело тебя ко мне? – Умэ обращалась к Хозилу, по-прежнему игнорируя Холда. Лукавая улыбка не сходила с ее губ, а глаза горели интересом, будто в предвкушении увлекательной игры.

– Нам нужна твоя помощь, – не стал ходить вокруг да около лекарь. – Я помню, когда-то у тебя была одна вещь, и она нужна мне.

Из-под улыбки показались лисьи клыки.

– Цена будет высока.

Хозил бросил быстрый взгляд на Холда, который, не замечаемый лисицей, с неприкрытым интересом наблюдал за сценой и не спешил присоединиться к беседе. Маг понял, что призвать демона к помощи сейчас не получится. Весь его вид говорил: «Разбирайся сам». Мысленно маг проклял демона и вздохнул. Ему определенно не стоило здесь появ-

ляться. Снова.

– Ты даже не спросила, что я хочу! – воскликнул он.

– Это не имеет значения, дорогой, – пропела Умэ. – Я легко отдам все, о чем ты только попросишь. Вопрос в другом: сможешь ли *ты* заплатить мне?

– Назови цену, и мы заключим сделку, – ответил Хозил, едва сдерживаясь, чтобы не развернуться и не убежать.

Красные глаза лисицы разгорелись ярче – победно. Острыми когтями кицунэ провела по воздуху, показывая свои владения.

– Забирай. Все мое будет принадлежать тебе.

Ни Холд, ни Хозил не шелохнулись и не ринулись искать необходимое. Даже не стали оглядываться, прикидывая, где могло бы быть зеркало. Маг был уверен: оно точно у этой коварной. Но также он знал, что так просто они его не получат. Войти в шатер было легко, а вот выйти удавалось не каждому. Хозил начал догадываться, какую цену потребует кицунэ. Это было даже слишком очевидно, но он вяло надеялся, что Умэ все-таки за прошедшую пару сотен лет смогла его забыть.

Их роман начался спонтанно. Разгорелся, будто жаркое пламя в глазах лисицы-оборотня. И погас резко – словно на него вылили ведро воды. Однажды жизнь сделала резкий поворот, и пелена наваждения и страсти к этой женщине спала с Хозила, уступив место одному лишь страху.

– Назови цену Умэ, – повторил Хозил.

Она звонко рассмеялась:

– Ты.

Глава 4

Хозил отчетливо помнил день, когда встретил Умэ. Он знал о кицунэ и раньше, и эти прекрасные создания всегда казались ему опасными. По Ночному Базару ходили слухи, что лисицы заманивали в свои шатры мужчин и соблазняли, кружили головы, и те бы ли готовы сделать для коварных обольстительниц что угодно.

Таких, как они, осторожный и боязливый Хозил старался обходить стороной, благо было нетрудно: в Ночном Базаре лисиц жило немного. Да, маг был из тех, кто предпочитал не впутываться в неприятности и не добавлять себе лишних проблем. Вот только проблема в лице Умэ нашла его сама.

Тогда у мага наконец-то появился крупный заказчик. Маркиз из южного государства. Хозила не волновало точное местоположение дворянина, а вот его состояние – очень даже. Давно у мага не было настолько зажиточного клиента.

У маркиза болел сын, единственный наследник. Лекарь быстро понял, что хворь несерьезная, хоть люди по свойственной им глупости развели панику. Чтобы вылечить мальчишку, хватит и стебля аира. За ним-то и отправился Хозил на юго-восток Ночного Базара, в ту его часть, где стояли по-воинственному прекрасные и яркие шатры – красные, как пламя; оранжевые и ослепительно-желтые, как солнце в мире людей; голубые, как чистый небосвод. Отличался от

них один, похожий на серебряное небо, усыпанное звездами. Это был шатер Умэ.

Она и сама напоминала звездопад, точнее метеоритный дождь, или дикий огненный ветер, летящий с невыносимой скоростью, поражающий всех и вся на своем пути, оставляющий позади разоренные пустоши. Издали увидев Хозила, несущего что-то сине-лиловое и растительное, кицунэ радостно подбежала к нему.

– Это цветы для вашей прекрасной дамы? – ее голос был мягким, плавным, игривым, дразнящим и заманивающим.

Хозил слегка растерялся от неожиданности и напора и посмотрел на стебли айра, связанные в пучок. Не очень похоже на цветы. Может быть, лисице зачем-то понадобилось лекарственное растение и она хочет купить его?

– Хм, нет, – ответил маг, – это не цветы.

Кицунэ звонко рассмеялась, чуть прикрывая коготками свои пухлые губки.

– А что же?

Не дождавшись объяснений, лисица выхватила пучок травы из рук вконец впавшего в ступор Хо зила и принялась тщательно рассматривать. Она уткнулась носом в стебельки айра, а затем, вынырнув, вынесла решение:

– Прекрасно.

– Что?

– Цветы, – пояснила с легкой улыбкой кицунэ. – Они прекрасны.

Хозил был сражен наповал. Еще мгновение – и он рухнул бы в ноги девушке, что была прекраснее любого букета. Вот только сделка с маркизом обещала принести по-настоящему большие деньги. Хозил робко отнял пучок аира у невообразимой красоты кицунэ, глядящей на стебельки горящими, будто нарождающиеся звезды, глазами.

Отобрав целебный урожай, лекарь хотел было уйти, но...

– Мое имя Умэ, – сказала лисица, смотря на него в упор. Ее тонкие пальцы сжимали его запястье.

Хозил мог легко выбраться из этого захвата – просто снять руку и отправиться восвояси. Но он почему-то не стал этого делать. Он только сказал:

– Мне нужно вернуться.

– Много дел? – поинтересовалась Умэ.

– Очень.

– Могу я узнать, чем занимаетесь?

– Целительством, – сдержанно ответил Хозил, не вдаваясь в подробности, которые могли бы затянуть диалог.

– Ах, значит, этим цветам суждено стать лекарством.

– Верно.

Театрально вздохнув и поняв, что маг не собирается поддерживать беседу, кицунэ разжала пальцы и отступила.

– Что ж, – напоследок сказала она, – найдите меня потом, как закончите со сделкой.

Как-никак она и сама принадлежала миру Ночного Базара и потому знала, что значит держать слово, особенно если это

слово торговца.

Хозил не дал ей ответа, даже не посмотрел в ее сторону и, быстро развернувшись и ускоряя шаг, пошел в направлении своей лавочки. Но уже тогда он понял, что вернется.

Вот только вернулся Хозил нескоро.

Через двадцать восемь лет. Впрочем, для нечисти из Ночного Базара это совсем недолго. Все эти годы кицунэ и вправду ждала мага, а ее образ не покидал его мыслей.

Они наткнулись друг на друга вновь внезапно, но на этот раз каждый уже знал, чем закончится эта встреча. Хозил увидел лисицу возле площади в самый разгар праздника, когда огни Ночного Базара горели ярче обычного, гул сотен голосов заполнял все пространство, а луна чарующе переливалась ослепительным серебром, освещая дороги.

Кицунэ была одета на удивление скромно. Она стояла возле лавочки травника и расспрашивала о чем-то, о чем он, судя по всему, и не слышал. Умэ расстроилась, уголки ее губ слегка опустились, она попрощалась, но не отчаялась.

Лисица обошла еще несколько похожих палаток и даже зашла в пару шатров. Поиски не увенчались успехом, и лисица отправилась домой. Хозил поначалу наблюдал за ней издали, а потом почему-то решил аккуратно, держа дистанцию, следовать за ней. Когда он дошел, то она встретила его, прислонившись спиной к своему шатру и лениво держа полог немного приподнятым, как бы приглашая мага внутрь.

Не говоря ни слова, Хозил зашел.

Их бурный роман длился около двух сотен лет, пока Хозил вновь не заключил крупную сделку, которая увлекла мага с головой.

Очередному знатному человеку, в этот раз – наследнице престола, понадобилось вмешательство необъяснимых разумом (как считают люди) магических сил, а именно – помощь мага-лекаря из Ночного Базара.

Заказчица передала Хозилу через посредника письмо с мольбами спасти ее драгоценного мужа. Лист бумаги был измятый и разбухший, будто когда-то сильно намок, а потом высох в кармане слуги.

«Дыхание Клейва становится хриплым, он слабеет, и я уже почти не могу разобрать его слов! Уважаемый маг, мне невыносимо видеть его страдания, – Хозил обреченно вздохнул, но продолжил читать. – Его глаза... Бог мой! Его восхитительные глаза цвета утренней травы стали тусклыми и стеклянными, словно иссыкли и потеряли жизнь. Они стали практически желтыми, как розы из моего сада... Только эти цветы прекрасны, а глаза Клейва перестают видеть...»

– Занятно, – пробормотал Хозил. Судя по всему – и к большому удивлению торговца ночи, – брак этой парочки был создан по любви, а не по расчету. Но долго думать об этом лекарь не планировал: его интересовала только деловая сторона вопроса. Письмо было аж на три страницы, и уже в конце первой он порядком утомился продираиться сквозь

неразборчивый почерк, да и бумага неприятно пахла чем-то соленым.

Суть Хозил уловил и послал проходника сообщить трагической мадам, что он, маг Ночного Базара, готов заключить сделку. Он уже знал, *что* хотел бы получить. Даже не видя страдающего, маг понял, что именно тревожит человека по имени Клейв. Кто-то наслал на него проклятие, причем не самое слабое. Чтобы избавить мужа наследницы от пожирающей болезни, нужно знать, кто из Ночного Базара ее наложил. Обычно лекарям приходилось поломать голову над этим ребусом, но этот почерк Хозил узнал сразу. Пожелтевшие и потухшие глаза жертвы были визитной карточкой ведьмы Ягины.

К ней-то маг и направился.

– Так этот пустоголовый смертный нанял тебя для снятия моего проклятия? – уточнила она, отсмеявшись после краткого пересказа письма наследницы. – Занятно.

Хозил позволил себе улыбнуться.

– Я тоже так подумал. Люди такие... хм, интересные.

– Ты хотел сказать – бесполезные?

– Не совсем. Они отдают нам свои деньги, иногда что-то довольно ценное и нужное, а порой и жизни. Так что немного пользы от них все же есть, – пожал плечами Хозил.

В шатре ведьмы ему не нравилось. Ягина не любила порядок и не отличалась чистоплотностью. Но наследница обещала все, что бы маг ни потребовал, за избавление супру-

га от болезни. Такая формулировка не могла не привлечь. Зачастую торговцы Ночного Базара предпочитали отложенную оплату, выжидая годами, а то и столетиями, чтобы за заказчика рассчитывались его потомки. Время лишь набивало цену.

Но в этот раз Хозил намеревался не медлить. Он слышал, что наследница владеет ожерельем из чешуи горного дракона, прочной, как титан, и украшенной рубинами сочнее всяких наливных яблок. Хозил возжелал это украшение.

– Тут по Ночному Базару любопытный слух прошел. Говорят, ты связался с кицунэ?

Хозил напрягся, но виду не подал. С чего Ягина решила спросить об этом, сменив тему, он не знал. Маг нехотя и осторожно кивнул. Ведьма потеряла руки и подставила маленькую стремянку в две ступеньки к шкафу, двери которого не закрывались, а полки ломились от бутылочек со снадобьями. Хозилу удалось по внешнему виду жидкости угадать несколько ядов. Ягина долго рылась, звеня и гремя, и наконец спустилась, держа нужную склянку.

– Возьмешь три капли, не больше, – только и сказала она.

Маг внимательно рассмотрел на просвет снадобье и вслушался в аромат, выдернув пухлую пробку. Пахло корой и медом.

– Проклятие Вельса? – Хозил был больше впечатлен, чем удивлен. – Думал, его запретили.

– Запретили, – подтвердила ведьма, чуть улыбнувшись.

– Что хочешь взамен?

– Красоту твоей возлюбленной.

Слова ударили громом и распались жужжащими искрами. Хозил прекрасно услышал слова Ягины, но не смог поверить, что она на самом деле их произнесла.

– Что? – тупо переспросил он.

– Красоту Умэ, – терпеливо повторила она.

– Невозможно!

– Отказываешься от *своей* сделки? Без этого, – Ягина указала на бутылку, которую Хозил держал в руках, – ты не сможешь спасти того жалкого человека, а значит, нарушишь условия.

Она оскалила черные зубы в жуткой победной улыбке. Ведьма и вправду выглядела не лучшим образом: годы брали свое. Ни одна нечисть не была бессмертна полностью. Даже владея самой сильной магией, увядание души не замедлить. Но можно попытаться скрыть – меняя внешность и скрывая под ней гниющее нутро.

– Может, до жизни человека тебе и нет дела, – старуха пожала плечами, – но сделку ты провалить не готов. Ты же ночной торговец.

Хозилу не хотелось этого признавать, но ведьма была права. Чтобы снять проклятие, нужно было заново отравить жертву тем же ядом, что его и наслало. Парадоксально – но так и работает магия. Без содержимого склянки Хозилу не справиться. Придется выбирать – Умэ или сделка с челове-

ком. Но на самом деле никакого выбора не было. Хозил не мог нарушить главное правило Ночного Базара.

Торговец всегда обязан выбирать сделку.

Иначе – смерть.

Так что либо расплатиться возлюбленной, либо умереть. «Умирать точно не хочется», – принял решение маг и незаметно завел руку за спину. На его ремне висели мешочки не только с травами и с целебными присыпками – было в них кое-что и поопаснее. Кончиками пальцев он ухватил буквально полщепоти порошка песочного цвета.

– Так что же ты выберешь, Хозил?

Маг сделал вид, что раздумывает, хотя уже все решил. Он сделал пару осторожных шагов к Ягине.

– Я выбрал третий вариант.

Ведьма изогнула бровь. Ее взгляд говорил: «Любовь – это не то, на что нужно тратить жизнь жителю Ночного Базара. Нечисть должна быть нечистой. Любовь делает слабым, поэтому она – удел и участь людей, но не торговцев ночи». Ягина тяжело смотрела на Хозила в ожидании объяснений.

Но их она не получила. Маг резко выбросил порошок в лицо ведьме. Кожа начала шипеть и плавиться. Ягина оглушающе вопила от острейшей боли. Обломанными твердыми ногтями она начала царапать разъеденное лицо и глаза, словно пытаясь достать крупичицы порошка.

Хозил не стал терять времени. Он достал из небольших ножен клинок, который нередко выручал. Правда, до этого

дня только в лечебных делах – целебный стебелек срезать или растолочь рукоятью таблетку.

Шаг, еще – и вот лезвие входит прямо в сердце ведьмы. За страшной болью от прожигающего порошка она и не почувствовала, как смерть подошла слишком близко. Крик Ягины оборвался, руки упали, и тело ведьмы рухнуло. Ее лицо было безобразно изодрано.

Не став больше смотреть, Хозил спешно покинул шатер Ягины.

* * *

Свежий воздух привел в чувство. Если бы у магов, как у ведьм, было сердце, Хозил бы ощутил, как быстро оно колотится. Но, к сожалению, отсутствие сердца не означало отсутствие чувств – а лекарю бы сейчас не помешала непоколебимость. Он посмотрел на свои руки, покрытые липкой кровью ведьмы.

Хозила затрясло и начало тошнить, но он сдержался, заглушив позывы глубоким дыханием. Поспешно вытер руки о белую рубашку, ткань которой давно пропиталась кровью. Чтобы попытаться ее скрыть, Хозилу пришлось застегнуть жилетку. С клинка он стер всю память о событиях и надежно спрятал в шатре ведьмы. Никто не должен узнать. Выбрав самый малолюдный маршрут, маг быстрым шагом направился в свой шатер. Дойдя, плотно заложил полог и сотворил за-

клинание тишины, чтобы всем казалось, что жилище пустое.

Хозил закрыл глаза, и перед ним вновь возникло лицо Ягины, выражение которого он вряд ли забудет. Нет, это был не тот взгляд, который потух, будто спичка, от удара в сердце, а тот, в котором читался упрек за слабость влюбиться. Такая привязанность и в самом деле была уделом смертных, но не нечисти.

Неужели Хозил стал настолько беспомощным?

Он помотал головой, отгоняя эти мысли. Но не выходило. Нужно сосредоточиться на деле, чтобы отвлечься. Хозил достал из кармана бутылки с зельем Ягины. Теперь за него не нужно платить и можно выполнить свои условия сделки. Это было бы большой удачей, если бы не стоило ведьме жизни.

Маг вышел из шатра и сразу наткнулся на юного проходника.

– Ты! – крикнул Хозил, напугав его так, что тот прижал волчьи уши и только испуганно смотрел на лекаря. – Ты мне нужен.

Маг протянул стеклянный сосуд мальчишке, и тот послушно взял его и принялся озадаченно разглядывать. Хозил понимал, что ведет себя нервно и странно, но он торопился. Времени оставалось немного.

– Кому это передать? – подал голос проходник.

Хозил объяснил, кто заказчик и как его найти, и поспешил к звездному шатру, который считал самым красивым во всем Ночном Базаре.

Кицунэ словно чувствовала приближение мага и стояла у своего дома, вглядываясь вдаль, выискивая алыми, как пламя, глазами знакомую фигуру. Как только показался силуэт Хозила, на лице лисицы-оборотня разгорелась улыбка. Девушка побежала навстречу, и казалось, будто она не касалась земли босыми ногами – парила, танцуя.

– Все прошло успешно? – радостно спросила Умэ, прижавшись к груди мага и обволакивая его шею своей тонкой рукой. Ее глаза сияли в ожидании ответа. Хозил медлил. Он, пожалуй, даже не услышал вопроса, потому что был заморожен тем, как блестит алая помада на губах его возлюбленной. Больше всего на свете ему хотелось поцеловать их, но вместо этого он тихо и твердо произнес:

– Нам нужно поговорить.

Улыбка Умэ погасла.

– Проблемы со сделкой? – осторожно спросила она. – Зайдем.

Кицунэ указала на шатер и по своей привычке взяла мага за руку, но он отдернул ее, вырывая свою ладонь из ее пальцев.

– То, что я собираюсь сказать, не займет много времени.

* * *

Холд в недоумении смотрел на Хозила.

Кицунэ в шатре не было. Она отлучилась на давно назна-

ченную встречу, которую уже не успевала отменить, когда явились маг и демон. Уходя, она взяла с неожиданных гостей обещание, что они дождутся ее возвращения – иначе могут помощи не ждать. Так что у Хозила было время посвятить Холда в детали своего прошлого.

– Да уж, наворотил ты дел, – потер лоб демон.

– На чьей ты стороне? – возмутился маг. – И вообще, та ситуация слишком выбила мир из-под моих ног, и бросить Умэ показалось мне единственно возможным выходом. Сложности – это не мое. Тем более... такие. Привязанность – это всегда проблема.

Холд молчал. Его мнение было лишним. Маг и без укоров явно сожалел о совершенном: он даже ни разу не смог взглянуть кицунэ в глаза. Холда не удивило, что Хозил струсил, – он никогда не отличался храбростью. Но, с другой стороны, сейчас он почему-то здесь – пытается, как равный демону, спасти виряву и целый мир. Да, он не храбрый. Зато упрямый. И, кажется, на него можно положиться.

В Ночном Базаре существовали понятия «пара», «партнерство», и право на отношения, причем самые разные, имели все, но вот *любовь* была редкостью. Любовь мешает быть разумным, а в сделках нельзя давать промаху. Затуманенная голова не приведет к хорошему результату. Хоть самому демону и не доводилось влюбляться, Хозила он немного понимал. Как и многие, Холд избегал длительных связей. Дело превыше всего. И уж точно превыше чувств. Но однажды – и

лишь раз за долгую жизнь – демон позволил эмоциям взять верх и принял самое неверное по меркам Ночного Базара решение. Спас Каза.

Холд глубоко вздохнул, вспоминая, как плохо поддавались контролю мысли в тот день, когда он попросил выпустить его к умирающему мальчику, и кулон на шее звякнул. Демон прикоснулся к нему.

– Это же не просто хранилище твоей энергии, но и ценная вещь, которой ты дорожишь? – внезапно спросил Хозил. Конечно, это не касалось мага, но Холд уже привык к его болтовне и чувствовал, что после столь откровенного рассказа о романе с кицунэ он уже не может держать с магом прежнюю дистанцию.

– Я получил его от отца в тот день, когда видел родителей последний раз.

Холд не помнил, сколько тогда ему было. Время Ночного Базара иное, и год нечисти – совсем не то же, что год человека. Да и не считают здесь года. К тому же у торговцев ночи нет детства, они *создаются*: пару дней впитывают силы и правила Базара – и всё, готовы жить и учиться продавать. Это и есть момент зрелости нового существа, после которого – по демонским обычаям – родители уходят в другой мир, оставляя нажитое в этом ребенку. У них не принято привязываться к потомству.

Некоторое время после обретения сознания Холд еще не решался выходить из шатра, оставленного без хозяев. Ткань

его купола потрепалась и пропиталась влагой, и юный демон ощущал колкий холод, пронизывающий до костей и будто заставляющий кровь течь медленнее. Ледяными пальцами, которые уже едва шевелились, он сжимал кулон, который вложил ему в ладонь отец, прежде чем исчезнуть из жизни сына навсегда. Интуитивно Холд знал, что нужно делать.

Он поднес кулон к губам и прошептал слова, которые уже были в его голове. Красный камень в центре вспыхнул, будто лесной пожар, и быстро потух. Теперь даже от цепочки исходило тепло, и демон начал постепенно согреваться и наполняться энергией.

– Значит, – резюмировал Хозил, когда Холд закончил, – этот кулон – семейная реликвия и, раз он при тебе, ты можешь стать сильнее? Подзарядиться?

Демон кивнул. Маг улыбнулся, а потом вновь нахмурился и задал неожиданный вопрос.

– Не жалеешь?

– О чем?

– Что обменял на человеческого мальчишку сосуд с могуществом демона, подписав себе отложенный смертный приговор?

Холд понял, почему Хозил спросил. Маг-то в свое время сделал обратный, другой выбор и оставил Умэ, которую любил, – чтобы из-за нее не испытывать трудностей и не попадать в передряги с убийством ведьм.

– Он того стоил, – ответил Холд.

Да, демоны не привыкли к эмоциям, даже если дело касалось их собственного потомства. Каз же приходился Холду абсолютно чужим по крови, да и к тому же человеком – слабым, презираемым существом другого мира. Вот только со временем Холд осознал, что тот самый мальчишка стал ему семьей, практически сыном – причем таким, от которого не нужно по древней традиции уходить. А с которым можно жить, вести общие дела... Как об этом жалеть?

Холд собирался вернуть своего смертного мальчишка домой. Каз выплатил свой долг. Теперь настал черед Холда платить.

Хозил же сидел, крепко задумавшись. Оборвать от ношения с Умэ казалось ему правильным – ужас от вынужденного убийства ведьмы, совершенного во имя возлюбленной, он словно перенес на все с ней связанное и, глядя теперь на кицунэ, видел только смерть, страх, боль. Чувства, которые он испытывал к прекрасной лисице, сковывали, связывали его так туго и прочно, что он задыхался и даже будто бы слышал треск своих позвонков. С ней ему бы и вправду постоянно пришлось переламывать себя, перешагивать через свою сущность. Он был простым лекарем-тихоней, высшее счастье которого – заготавливать травы, бродя по Светлому лесу. Он не создан для страстей и убийств.

Нападение на ведьму и кража зелья были только началом. Хозил чувствовал это. Он страшно боялся, что в следующий раз – возникни похожий выбор – он снова выберет кицунэ.

Хорошо, что они с Ягиной не успели заключить сделку – она была бы сорвана с убийством ведьмы, а Хозил остался бы стороной, не выполнившей свои обязательства, что карается смертью. Такова воля Ночного Базара.

Мысли о прошлом терзали, но Хозил не мог не думать и о том, что делать с просьбой лисицы. Она пожелала заполучить его. Вот только зачем? Отомстить? Хозил был бы, пожалуй, даже согласен на такую участь. Он заслужил и худшее после того, как разбил Умэ сердце, не объяснив даже причин. Маг всегда избегал сложных разговоров, особенно о чувствах, всех этих тяжелых вопросов и неприятных ответов, поэтому расставаться предпочитал без них. Он просто – молча и навсегда – уходил, после чего зарывался в работу и ждал, пока все страшное и сложное не забудется. С Умэ, впрочем, так и не забылось. Но корить себя сожалениями маг тоже больше не намеревался. Он надеялся наконец объясниться с той, которую когда-то так любил.

Мага немного подбадривало то, что у Холда вновь был кулон, а значит, демон вновь силен и страшен, как в лучшие свои годы. Он сможет защитить своего друга-лекаря. Ведь сможет?

Лисица по-прежнему не возвращалась, и ожидание становилось томительным. Маг уже долгое время сидел неподвижно, будучи напряженным и задумчивым, и вдруг отчаянно всплеснул руками и обреченно воскликнул:

– Она меня не простит!

– Не простит, – сказал Холд, потому что житель Ночного Базара не может лгать.

Полог звездного шатра распахнулся, и вошла кицунэ. Ее глаза переливались пламенем, а на губах играла по-лисьи хищная улыбка.

Глава 5

Каз спал, а во сне отчетливо слышал отдаляющиеся шаги своей матери. Видел, как подол ее юбки цепляется за ветви и как на одной повисает клочок ткани с трепещущими рваными нитками. Мальчик кричал до тех пор, пока его охрипший голос не пропал окончательно, свернувшись окоченевшим спазмом в глотке, полной промерзлого ветра. Но даже тогда он продолжал звать ее мысленно. Мама, мама, мама!

Он помнил, как медленно покидало его сознание, как он сопротивлялся этому, как мать пропала из виду, словно съеденная темнотой, как он пытался встать, но тело не слушалось – лишь ладони впивались в хвою еловых лап, на которые его положили...

Этот сон – страшное, искаженное временем воспоминание – повторялся, как только Каз закрывал глаза.

Когда Каз оказался в Ночном Базаре, у него не было времени на посторонние мысли. Он думал лишь о том новом мире, в который попал. Выжить – вот что стало его главной задачей. Каждый отвечал сам за себя вне зависимости от возраста и положения.

Каз быстро понял: в Ночном Базаре суровые правила, которым нужно следовать и с которыми стоит считаться. Одно из них Холд повторял чаще остальных: «Бизнес есть бизнес».

Конечно, демон помогал Казу расти в мире нечисти – по мере возможностей и знаний, – но не мог уберечь от всего. Да и не имел он никакого понятия, как воспитывать человеческого ребенка. Демоны приходили в этот мир полностью осознанными созданиями, готовыми стать его частью.

Иногда, лежа на холодной траве, ощупывая пальцами листок за листком, мальчик смотрел на ночное небо. Оттуда прямо в глаза лилась луна, но Каз не отводил взгляда, продолжая разглядывать полумесяц.

В такие моменты, когда у него оставалось время на мысли, он пытался представить, каким могло быть его прошлое, его человеческая жизнь в другом мире. Его мать. Но как бы ни старался, в голове не появлялось ни одного внятного образа.

Первые годы в Ночном Базаре Каз еще слышал внутри себя ее голос, но время шло, и этот звук совершенно особого тембра, тона, интонации однажды просто стерся, перекрытый тысячами других голосов из жизни среди шумных торговцев ночи. И так мать – смазанный силуэт, уходящий прочь, – стала нема.

Месяц назад Казу исполнилось семнадцать лет. Это был день, когда он снова вернулся в мир людей, который так ненавидел.

* * *

«Но знаю того, кто может знать, где Диф сейчас работа-

ет», – сказала Али. И почему-то привела Каза в лавку, полную старинных томов. Пахло пылью и горечью истлевших чернил.

– Библиотека? – коротко спросил Каз, оглядывая книги на полках.

Али в ответ кивнула и уверенно прошла дальше, за высокие, до потолков, стеллажи – словно выглядывая кого-то. Здесь ей явно нужны были не книги.

А вот Каз был не прочь их порассматривать. В голове сразу возник образ Холда, который вечно в них копался, оставлял закладки, раскидывал, а после пытался заставить Каза расставлять все по местам, потому что сам был не в состоянии запомнить их порядок. Будучи совсем малышом, мальчишка еще попадался на эту удочку, но вскоре стал давать старому демону от ворот поворот – и так книжный бардак стал неотъемлемой частью интерьера. Пожалуй, это единственный тип беспорядка, с которым Каз мог бы смириться и который, если откровенно, даже немного ему нравился, поскольку был очень уютным.

Разумеется, Каз, живя в такой атмосфере, просто не мог не читать. Но каждая вымышленная история – их были, кажется, тысячи – заставляла вспоминать свою собственную. Мальчишка не любил свой родной мир, в котором правило солнце, и никогда не скучал по нему. Он стал уже безвозвратно чужим, но почему-то всегда был рядом – намеком, обрывком мысли или воспоминанием, – будто рана, которая

все никак не заживет.

И теперь он тут. И тут все противно. Каз невыносимо хотел вернуться домой – но как? Разве это вообще возможно? Он даже, пожалуй, теперь и не проходник больше – ведь Ночной Базар не пустил его обратно.

Запретил. Изгнал.

Каз много размышлял над тем, почему так могло произойти. Что он сделал не так? Какой закон мира торговцев ночи нарушил? Чем прогневал его волю? Но ответа не было ни на один из этих вопросов. По этому они просто роились в голове, заполняя мысли черным шумом страха и неизвестности.

Впрочем, злость Каза была ярче его растерянности и подавленности. О да, Каз злился! Ночной Базар, ставший ему домом, так запросто избавился от него, выкинул, словно ненужную вещь или не интересный более товар. Бросил одного! Эти мысли заставляли Каза скрежетать зубами от ярости и гнева – и собственного бессилия. Бессилие злило больше всего. Он решил для себя, что обязан выяснить причину. Он должен узнать правду. Если Ночной Базар не хочет впускать его обратно, то ему придется объясниться.

Погруженный в размышления, Каз не заметил, что Али уже возвращалась. Она лавировала между забитыми книгами стеллажами и шла к Казу, держа между пальцев сложенный листок бумаги.

– Диф здесь? – спросил Каз, видя на лице Али победное выражение.

– Нет, – она помотала головой и помахала клочком бумаги перед глазами Каза. – Но здесь главный библиотекарь – старик, который, сколько я себя знаю, прислуживает местной шпане кем-то вроде связного. Я не чужая на этих улицах, так что он довольно легко поделился нынешним адресом Дифа. Теперь дело за малым – отправимся в гости.

Каз кивнул, выражая одобрение. «Так просто», – подумал он. Али по-дружески приобняла его за плечо, чтобы повести к выходу, но громко чихнула.

– Не люблю книги, – шмыгнув носом, произнесла она. – От них столько пыли.

Они вышли на улицу. Вечерело, солнце садилось, оставляя небо красно-оранжевым. В такие моменты Казу человеческий мир казался не таким уж и отвратительным, хотя по-прежнему не мог сравниться с красотой Ночного Базара. Даже воздух там был другим: тяжелее, плотнее, гуще.

– Куда нам? – уточнил Каз, указывая на сложенную бумажку в руках девушки.

Али лукаво улыбнулась.

– В ломбард, – с блеском в глазах заявила она.

* * *

Ломбард больше походил на свалку или на какой-то безумный склад богини безвкусицы. Казалось, хозяин этого места просто-напросто скупал все, что только предлагали

или что сам смог найти, подобно сороке, ведясь на все блестящее.

Али сразу начала рассматривать ценные вещи, которые Каз называл про себя безделушками или мусором. Здесь было сгружено так много всего, что было непонятно, есть ли в ломбарде вообще кто живой, кроме только что вошедших. Али решила проверить это старым добрым криком.

– Дружище, это я, выходи! – во всю глотку заорала она.

– Кто «я»? – с явным скептицизмом донесся откуда-то из-за гор вещей мужской голос. Его обладателя Каз обнаружить не смог. Большие вазы из цветного матового стекла стояли одна на другой буквально до потолка. Али цокнула.

– Черт тебя дери, Диф, неужто не узнаешь мой голос?

По ломбарду разлилась тишина. А потом – секунд через пятнадцать – послышалось тихое:

– Али?

Видимо, Диф все-таки справился с опознанием по голосу. Раздался хруст, тяжелый звук отодвигаемых предметов, шаркающие шаги – и вот откуда-то из-за ваз выглянул парень.

Он казался ровесником пришедшим, но сине-серые мешки под глазами и неестественная бледность кожи добавляли ему лет. Волосы находились в полном беспорядке, хотя и были довольно коротко подстрижены.

– И вправду Али! – воскликнул он и прижал девушку к груди. Али закашлялась и отодвинула парня.

– Сколько дней ты не мылся, приятель? – спросила она, а Каз едва заметно улыбнулся.

– Прости, – Диф потупился. – Дел что-то навалилось...

– Пошел в гору? – Али обвела ломбард взглядом. – Я слышала, твой прошлый бизнес – торговля крадеными оберегами – был довольно успешным?..

На бледных щеках Дифа появился румянец, выдающий смущение, поэтому Каз решил подключиться к разговору. Али явно не умела чувствовать обстановку и не знала, когда следует остановиться и как наладить контакт.

– Мы пришли, чтобы заключить сделку, – сказал Каз.

– Попросить об одолжении, – поправила друга Али, ткнув того локтем.

Диф внимательно на них посмотрел, ожидая подробностей.

– Ты же помнишь, что должен мне, Диф? – спросила Али. Вместо ответа парень глубоко вздохнул.

* * *

Диф был постарше, поэтому многие уличные ребята считали его лидером, вот только лидерство было не для него – мальчик не справлялся с возложенной на него ролью. Быть старшим на улице значило заботиться обо всех.

– Мы так давно ничего не ели... – жалобно сказал оборванный парнишка, глядя на Дифа из толпы таких же ма-

леньких оборванцев. – Пожалуйста, Диф... Хотя бы немного хлеба...

Остальные дети грустно закивали.

Все это заставляло Дифа сжиматься от страха. Ему хотелось закричать: «Да какой я вам лидер, посмотрите на меня!» Диф с детства был тощим, и всегда казалось, что он сам вот-вот рухнет в обморок от голода. Впрочем, несколько раз такое и вправду случалось.

«Пожалуйста, Диф...» – тонкий отчаявшийся голосок так и звучал в голове. Диф ушел искать еду для маленьких беспризорников со своей улицы. Где и как ее искать, он, конечно, не знал. Но знал, насколько это опасно. Добыча еды для таких, как Диф, была настоящим испытанием, на кон которого ставилось собственное здоровье – а то и жизнь. По кварталам среди мальчишек ходили страшные истории о том, как однажды местные стражники отрубили воришке руку и бросили истекать кровью на мостовой.

Но воровство было единственным способом, которым Диф – как и любой ребенок улицы, еще слишком маленький, чтобы работать, – мог достать еды. Денег у него отродясь не было. А красть он боялся так, что покрывался гусиной кожей. Пока ему везло. Но он знал, что совсем скоро удача отвернется, и молился, чтобы среди беспризорников появился к то-то новый, кому больше подойдет роль лидера – и причитающаяся ему невыносимая ответственность.

Диф знал, что в тот день обычно привозили товар в мяс-

ную лавку. Он направился к ней и застыл за углом одного из соседских домов, наблюдая, как из повозки выгружали говяжьими ногами и еще какие-то рыхлые отрезки. Воровать Диф не собирался: он просто хотел дождаться, пока фермер уедет, а торговец – скроется в лавке. Тогда бы можно было пособирать по дороге упавшие куски мяса и потрохов. На бульон бы хватило. Только бы никто не заметил: ошметки предназначались псу хозяина. А бегал Диф так же, как делал все остальное, – не слишком хорошо.

Пытаясь задавить дурное предчувствие, растущее внутри, мальчик осторожно направился к двери, постоянно озираясь и прислушиваясь, не раздадутся ли внутри лавки приближающиеся шаги. Но никого, тишина. Диф присел на корточки и начал быстро подметать руками булыжники, пряча всю мелкую добычу – хрящи, жилы, сколотые кости, мясистые волокна – в карман. Он так тяжело дышал, что не услышал, как дверь лавки открылась.

– Проклятый вор! – закричал хозяин и бросился на Дифа с тесаком.

И тут же Дифа кто-то дернул за руку, сорвав с места и увлекая в побег. Мальчишка ничего не понял, он просто растворился в страхе и изо всех сил молотил тощими ногами по дороге, стараясь не отставать от той, кто словно клещами вцепился в его предплечье и на огромной скорости тащил за собой по грязным проулкам и задворкам.

Спасительница совершенно точно знала, куда бежать.

Угрожающие смертью проклятья хозяина лавки очень быстро остались позади. Раньше, чем понял, что его жизни ничего не угрожает, мальчик почувствовал, как его легкие разрывает. Не узнавая собственного голоса, он прохрипел, надеясь, что девочка, несущаяся впереди, услышит:

– Пожалуйста... Остановись...

На удивление, она услышала – и так резко затормозила, что Диф налетел на нее.

– Что-то ты хилый совсем, – осуждающе сказала она, обращившись, чтобы лучше рассмотреть того, кого спасла. И, кажется, была не очень довольна увиденным. Яркие лучи солнца заставляли мальчика постоянно щуриться, но девочка их будто совсем не замечала. Она огляделась, убеждаясь, что нет ни опасности, ни погони.

– Зачем такому слабачку как ты, воровать? Не боишься, что поймают?

Диф был оскорблен правдой, но, с другой стороны, девочка задавала на удивление прозорливые вопросы.

– Я не совсем слабачок, – возразил мальчик, все-таки не смирившись с грубостью.

Девочка только рассмеялась от его слов и легонько толкнула в плечо. Диф отшатнулся. Спасительница нахмурилась.

– Так зачем ты воровал? – повторила она свой вопрос.

– А ты что там делала? – спросил Диф, пропуская ее колкости мимо ушей.

– Очевидно, как и ты, пришла за мясом для бульона.

И она поведала спасенному мальчику свою историю, а потом он немного рассказал о себе. Али попросила познакомиться ее с остальными ребятами, которые жили на улице Дифа и нуждались в еде и заботе.

В таверну к Илиссу она их притащить, конечно, не могла: там не было лишних комнат, да и сам Илисс не планировал становиться опекуном еще десятка сирот и давным-давно наказал Али «своих горемык» домой не приводить. Поэтому девчонка просто взяла на себя роль, которую до того несчастливо тащил Диф, и старалась обеспечить местных мальчишек хотя бы минимально необходимым. Ворovala она немногим лучше своего предшественника, но зато умела быстро бегать, стойко сносить побои, выходить сухой из воды и уже начала зарабатывать, торгуя информацией и тай нами и доставляя сверхсекретные сообщения.

Мальчишки приняли и полюбили ее как старшую сестру. На зиму Али обустроила им ночлег в заброшенном хлеву. Крыша над головой, особенно в непогоду, была настоящим богатством.

Стражники нередко видели Али за воровством провизии, но пока у них ни разу не получалось ее догнать, чтобы избить или арестовать. В тот день, после очередной вылазки в город, Али шла обратно к детворе, довольная удачным уловом. Ей удалось ухватить пару апельсинов и даже ветчину с черным хлебом. Стражники будто сквозь землю провалились. Девочка подумала, что в городе или в замке намечается

мероприятие, которое, как обычно это бывает, требует особенной охраны.

Идя по тропинке, ведущей к уже родному хлеву, в котором ее ждали одиннадцать голодранцев, Али почувствовала что-то неладное. А потом учуяла за пах дыма. И бросилась вперед, выронив апельсины и ветчину.

Хлев полыхал. Яркое пламя съедало по кусочкам деревянный сарай, обрушивая и без того хлипкие своды, уничтожая то место, которые сироты уже называли своим домом, – а вместе с ним и жизни детей, которых в этом доме заперли.

Али не чувствовала собственных рук. Они онемели от плеч до кончиков пальцев. Девочка ринулась вперед, практически ничего не видя перед собой, кроме алого огня. Когда она добежала до хлева, его уже не было. Али задыхалась от гари, ноги отказывали, она кричала, но не понимала, что именно, – может быть, их имена?

Никто не отзывался.

Али увидела, как по другой тропе удаляются несколько человек в форме. Неужели стражники решили покончить с воровством на улицах... так?

– Нет! – что было силы крикнула девочка, все еще не веря в случившееся, и ощутила на своем плече руку.

– Диф? – с облегчением и болью в голосе спросила девочка.

Мальчик кивнул.

– Нужно уходить.

– Но как же... – Али не могла произнести ни слова, но потом ее глаза резко распахнулись, рас ширившись в зрачках. Девочка схватила Дифа за во рот рубашки, впиваясь в ткань пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.